

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

О правахъ моихъ на хивинскій престолъ.

Вамъ извѣстно, мм. гг., что я магометанинъ, искренній магометанинъ. Но мнѣ мало этого. Мнѣ нужно, чтобы и читатели ваши были убѣждены, что я хорошій, т. е. вполне вѣрующій, магометанинъ; что я, говоря *э-ханду миламъ, мусульман-ымъ*, исповѣдую это не только устами, но и въ глубинѣ сердца. Нужно мнѣ это для того, чтобы читатели ваши считали меня человекомъ честнымъ; а такъ, по моему убѣжденію, не можетъ быть человека равнодушнаго къ своей вѣрѣ. Къ сожалѣнію, въ доказательство искренности моихъ вѣрованій, могу я указать лишь на одинъ фактъ—на мой *хаджъ* въ Мекку, т. е. на то, что я, въ исполненіе обязанности, возлагаемой Исламомъ на каждого правовернаго, предпринимаю, не смотря на небольшія средства мои, странствованіе въ Мекку, для поклоненія уабаъ и совершенія тамъ прочихъ религіозныхъ обрядовъ. При той депреціаци, которою страдаютъ издавна наши бумажные деньги, такое путешествіе, и безъ того не дешевое, становится еще убыточнѣе. Многихъ менѣе меня ревностныхъ мусульманъ хроническая болѣзнь нашего кредитнаго рубля весьма и весьма удерживаетъ отъ исполненія означенной религіозной обязанности. Оказывается, такимъ образомъ, что упадокъ курса, вмѣстѣ съ

обиліемъ фальшивыхъ бумажекъ, можетъ служить — кому бы это въ голову пришло?—антидотомъ противу того, что у насъ и въ Европѣ вообще принято называть «мусульманскимъ фанатизмомъ». Великъ Аллахъ и непознаваемы пути его! Это пилигримство въ Мекку, съ его послѣдствіями, и было причиною, что я пересталъ упражняться на поприщѣ русской словесности, на которое выступилъ было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ *), въ то блаженное время, когда «такъ легко дышалось на Руси»—старымъ дуракамъ и безмозглымъ юношамъ. Послѣдствія пилигримства заключались въ томъ, что на возвратномъ пути изъ Мекки, благодаря нѣкоторымъ неожиданнымъ обстоятельствамъ, получилъ я возможность посѣтить часть великобританскихъ владѣній въ Индіи, а когда ѣхалъ оттуда обратно черезъ Египетъ—свернуть въ сѣверную Африку, и черезъ Тунисъ и Алжирію пробраться даже до западнаго центра мусульманства — государства Марокскаго. Такимъ образомъ совершилъ я, только наоборотъ, то же самое путешествіе, какимъ прославилъ себя въ XIV вѣкѣ знаменитый танжерецъ Ибнъ Батута. Существенная разница между моими и его странствованіями заключается лишь въ томъ, что онъ, несмотря на тогдашнія неудобства, имѣлъ удовольствіе путеше-

*) Въ 1861 и 1862 годахъ султанъ Пираліевъ началъ въ газетѣ «День» рядъ интересныхъ писемъ о киргизской степи и помѣстилъ въ другихъ временныхъ изданіяхъ нѣсколько статей библіографическаго содержанія.

ствовать въ сопровожденіи своего гарема, а я, несмотря на удобства пароводныхъ и паровозныхъ сообщеній нашего времени, лишень былъ этого удовольствія. Заглянуть же и въ Индію, и въ Алжирію хотѣлось мнѣ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ англичане и французы пануютъ надъ нашимъ братомъ мусульманиномъ, и лучше или хуже живетъ тамъ мусульманамъ, чѣмъ въ Россіи. Расположеніе къ такому сравнительному изученію получилъ я начитавшись знаменитаго историка арабскаго Ибнъ-Хальдуна, который уже въ XIV столѣтіи дошелъ до пониманія такихъ вещей, какія лучшимъ европейскимъ умамъ дались лишь въ XVIII вѣкѣ. И до того пристрастился я къ Ибнъ-Хальдуну, что изъ ханефита, какимъ былъ подобно всѣмъ средне-азіатскимъ мусульманамъ, сдѣлался малекитомъ, хотя очень люблю арабскій языкъ, а Ибнъ-Хальдунъ писалъ по-арабски прескверно. Но я удаляюсь отъ моего предмета. Извините, старъ становлюсь, забалтываюсь.

Впрочемъ, нѣтъ — не удаляюсь. Мнѣ надо, чтобы читатели ваши знали, что я, хотя и мусульманинъ, однако же, чловѣкъ вполне свободомыслящій и съ критическимъ направленіемъ мышленія, а это необходимо должно вытекать изъ чувства моего къ Ибнъ-Хальдуну: не могъ бы я увлечься имъ, если бы не былъ мыслитель и критикъ по природѣ. «Хорошъ критикъ и мыслитель», воскликнутъ ученые воспитанники военныхъ академій, въ томъ числѣ и медицинской, а вмѣстѣ

съ ними и всѣ стриженныя барышни цюрихскаго университета — «хорошъ критикъ и мыслитель, который отправляется въ Мекку лизать «Черный Камень» и выплясывать дервишскій вальсъ около горы Аратата, тогда какъ всѣмъ извѣстно, критикомъ и мыслителемъ можно сдѣлаться читая лишь творенія Обручева и Португалова!» Не вступая въ полемику относительно послѣдней статьи, скажу, что именно между *хаджи*, т. е. ходившими на богомолье въ Мекку, и встрѣчаются самые свободомыслящіе изъ мусульманъ. Это фактъ. Путешествіе по чужимъ и далекимъ землямъ — извѣстно еще со времени Карамзина — «развиваетъ умъ и сердце». Вотъ одно обстоятельство, объясняющее свободомысліе меккскихъ паломниковъ. Другое — то, что за разногласіе со святошами (а между нами, магометанами, они куда не рѣдки) весьма легко подвергнуться обвиненію въ еретичествѣ, съ очень непріятными отъ того послѣдствіями: хорошо, если только палками по пятамъ отваляютъ такъ, что полгода на ноги не встанешь, а то и камнями на смерть закидаютъ. Между тѣмъ, благочестіе совершившаго *хадджъ* не подвергается сомнѣнію, и болтовнѣ въ философскомъ духѣ можетъ онъ предаваться безопасно и безнаказанно. Этимъ критики и мыслители отъ природы, подобно мнѣ, и пользуются: побываешь въ Меккѣ, такъ и чувствуешь правовѣріе свое застрахованнымъ на цѣлую жизнь. Оттого-то, какъ сказалъ я, и встрѣчаются

свободомыслящіе мусульмане преимущественно между хаджи. Что же касается до того, что свободомыслие и ученость совместны съ Исламомъ, свидѣтельствуется исторіею арабской философіи, да и самъ пророкъ (да привѣтствуетъ его Господь въ раю) сказалъ: *Талабуль-ильма уа-лла бес-Синъ*, т. е. «Учитесь, учитесь, ищите знаній, хотя бы въ Китай пришлось за ними ѣхать». Вотъ какъ понималъ и цѣнилъ науку онъ, «печать пророковъ».

Кромѣ того, что я искренній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свободомыслящій мусульманинъ, нужно мнѣ еще, чтобы читатели ваши увѣровали, что я столь же искренній и вѣрный подданный Россіи. Казанскіе патріоты и оренбургскія власти утверждаютъ, будто искренняя привязанность къ Россіи несовмѣстима съ магометанствомъ. Утвержденіе это столь же ошибочно, какъ и несовмѣстность Ислама съ образованіемъ и свободою мысли. Мусульманинъ можетъ быть преданъ русскому правительству, по крайней мѣрѣ, столько же, если не болѣе, какъ и римскій католикъ или протестантъ. Мало того: по нѣкоторымъ причинамъ и при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ онъ любить, именно любить Россію, съ такою горячію, какая рѣшительно недоступна ни протестанту, ни католику, по ихъ религіознымъ, всосаннымъ съ молокомъ матери, а потому неискоренимымъ, неистребимымъ предразсудкамъ. Когда нибудь побесѣдую я объ этомъ предметѣ пространнѣе, и надѣюсь защитить положеніе мое

побѣдоносно. Въ настоящемъ случаѣ, въ подтвержденіе сказаннаго мною, удовольствуюсь указаніемъ лишь на одну характеристическую черту русскаго народа — на его прирожденную доброту и полную готовность брататься со всякимъ иноплеменникомъ, со всякимъ иновѣрцемъ. Неужели, полагаете вы, не замѣчаютъ мусульмане этой черты и не цѣнятъ ее? Да знаете ли вы, что не будь нѣкоторыхъ препятствій, такъ, благодаря этой чертѣ, Русь давно бы уже покорила весь міръ. Знаете ли, что одна эта черта опаснѣе для британскаго господства въ Индіи, чѣмъ всѣ ваши пушки, штыки и конгревовы ракеты. Эхъ, господа, не знаете вы, въ чемъ ваша сила и въ чемъ ваша слабость, принимаете сплошь и рядомъ силу вашу за слабость, а слабость считаете силою. Ничего, господа, вы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ не понимаете. На грошъ бы понимали, такъ не тѣмъ бы были; были бы действительно грозны не только Азіи, а и всей Европѣ. Европа знаетъ это и потому ненавидитъ васъ всѣми силами души. Только и надежды у нея, только и утѣшенія, что вы никогда себя не поймете, и — надо отдать ей справедливость — принимаетъ къ продленію этого вождедѣльнаго для нея непониманія весьма соотвѣтственные мѣры... которыми сдурю (извините за выраженіе) сами же вы и помогаете...

Оставимъ однако эту матерію, какъ требующую особой трактации и притомъ совершенно бесполезную, ибо, быть можетъ,

самую судьбою предопредѣлено вамъ не понимать себя,—и обратимся къ прямой цѣли этого письма. Положимъ, что я успѣлъ убѣдить вашихъ читателей въ честности моей и, несмотря на мусульманство, въ свободомысліи и преданности русскимъ интересамъ. Спрашивается теперь: желаете вы, чтобы такой, какъ я, человекъ—сидѣлъ ханомъ въ Хивѣ?

Желаете вы этого? спрашиваю я. Находите вы это выгоднымъ, сообразнымъ съ вашими интересами, съ интересами цивилизаціи? Хива, вѣдь, извѣстно вамъ, это—разбойничье гнѣздо, которое вы нѣсколько разъ пытались, помощію «жалкихъ словъ», обратить въ благоустроенную монархію, и, за неудачею въ этомъ, столько же разъ пытались, и столь же безуспѣшно, стереть съ лица земли силою безконечныхъ верблюжьихъ транспортовъ. Вамъ должно бы быть пріятно, чтобы это разбойничье гнѣздо накрыто было такимъ образованнымъ и гуманнымъ человекомъ, какъ я, и чтобы я завелъ тамъ тишину и спокойствіе, подобныя процвѣтающимъ нынѣ въ Бухарѣ и Коканѣ. Такъ желаете вы видѣть меня хивинскимъ ханомъ?

Не удивляйтесь, пожалуйста, настойчивости моего вопроса, и не примите его за шутку. Вы даже права не имѣете принять его за шутку. Вы сами лишили себя этого права. Развѣ въ шутку приняты въ заявленіе великобританскаго правительства, что эмиръ кабульскій Ширъ-Али имѣетъ наследственные права, не только на Бадахшанъ и Ваханъ, но даже на

страны къ югу отъ Сыръ-Дарьи? Нѣтъ, вы нисколько не приняли заявленія этого за шутку, вы весьма серьезно отнеслись къ этому заявленію. Какая же статья, послѣ этого, принимать за шутку мой вопросъ? Относительно меня вы еще не знаете, имѣю я права на хивинскій престолъ, или нѣтъ. Относительно же претензій Ширъ-Али, вамъ, если бы только имѣли вы самыя скромныя познанія въ новѣйшей исторіи Азии, слѣдовало бы знать, что это—или непроизводимое шарлатанство съ его стороны, или колоссальное неуваженіе англичанъ къ русскому здравому смыслу. Признаюсь, что если бы Ширъ-Али обратился съ такимъ заявленіемъ ко мнѣ, султану Пираліеву, то я, султанъ Пираліевъ, счелъ бы это за личное себѣ оскорбленіе. Сумасшедшій я что ли, или круглый невѣжда, чтобы выслушивать равнодушно подобныя нелѣпости, выдаваемые за серьезную рѣчь? За нѣчто серьезное способно принять ихъ только такое лицо, которое полагало, что дорога изъ Ташкента въ Хиву идетъ черезъ Кашгаръ. Если признано будетъ нужнымъ, я докажу совершеннѣйшую несостоятельность претензій кабульскаго эмира, не отправляясь для этого за справками на мѣста, а здѣсь же, въ Петербургѣ, по свидѣтельствамъ самихъ англо-индійскихъ писателей. Не даромъ же, какъ сказывалъ я вамъ въ началѣ настоящаго письма, ѣздилъ я въ Индію. Теперь же это отвлекло бы меня отъ собственной моей цѣли—доказать

правъ мой на хивинскій престолъ. Правъ эти, какъ увидите вы сейчасъ, не Ширъ-Аліевымъ чета, а свойства весьма серьезнаго.

Будучи киргизскимъ султаномъ, я ео ірсо прямой потомокъ Чингисъ-хана. Не пугайтесь, я не предъявлю, въ качествѣ чингисида, правъ моихъ на владѣніе странами, входившими въ составъ Золотой-Орды. Удовольствуюсь пока однимъ хивинскимъ ханствомъ. Отецъ мой, султанъ Пирали, былъ сынъ султана Арунгазы, а этотъ послѣдній, дѣдъ мой, былъ сыномъ султана Пирали, сына извѣстнаго хана киргизскаго Нурали. Нурали же, до избранія его въ ханы киргизами Меньшей-Орды, сидѣлъ на ханствѣ въ Хивѣ, также какъ и отецъ его, пращуръ мой, Абуль-Хайръ. Какъ Абуль-Хайръ, такъ и Нурали, властвовали въ Хивѣ въ 1740 годахъ, когда приходилъ на нее знаменитый воитель персидскій Надиръ-шахъ. Престолъ хивинскій получилъ Абуль-Хайръ по народному избранію, и въ ханскомъ достоинствѣ своемъ признанъ былъ отъ самого Надира. Позже, когда Нурали оставилъ Хиву, сидѣлъ тамъ ханомъ тоже киргизскій султанъ, Каипъ. Изъ киргизскихъ же султановъ избирались тамъ ханы и до самаго конца прошедшаго столѣтія, когда этотъ древній порядокъ былъ нарушенъ сыновьями Эйязъ-инака, присвоившими себѣ ханское достоинство, несмотря на то, что были они люди «черной кости». Эта «черная кость» властвуетъ въ Хивѣ и донынѣ совершенно про-

тивозаконно, тогда какъ законное право на ханское тамъ достоинство имѣютъ лишь киргизскіе султаны, изъ рода ли Нурали, изъ рода ли Каипа. Правъ нуралиевыхъ потомковъ на хивинское ханство можно сравнить съ правами на престолъ Франціи старшей линіи Бурбоновъ, а правъ потомства Каипова—съ правами орлеанскаго дома. По моему мнѣнію, быть можетъ, пристрастному—никто въ своемъ дѣлѣ не судья—правъ Нуралиева потомства вѣсче правъ Каиповичей. Наконецъ, независимо отъ всего вышеизложеннаго, сынъ Нуралиевъ, Пирали, прадѣдъ мой, хотя на хивинскомъ престолѣ и не сидѣлъ, властвовалъ, однако же, надъ сѣвѣрною частію хивинскихъ владѣній въ качествѣ хана надъ туркменами, тогда ее занимавшими. Преданность Россіи такъ-сказать въ крови у насъ, ибо Пирали этотъ дважды просилъ принять его съ народомъ въ русское подданство, въ 1784 и 1791 годахъ. Изъ Нуралиева же потомства, я, въ настоящее время, старшій, ибо Пирали былъ вторымъ сыномъ Нуралия, а отъ старшаго сына Нуралиева, Ирали, потомства нынѣ не существуетъ.

Поняли? Сообразите же теперь, какъ бы выгодно было поддержать мои правъ на хивинскій престолъ. Въ лицѣ моемъ Хива пріобрѣла бы такого образованнаго хана, какого не было въ ней со временъ знаменитаго Абуль Газія. Онъ прославился сочиненіемъ своимъ *Китаби-шеджерен-Тюрки*, «Генеалогическимъ древомъ Турковъ». Я, коли ужъ на то пошло, берусь

написать «Исторію Турковъ», которая за-
поясъ заткнетъ его работу. Россія, въ ли-
цѣ моемъ, какъ своего подданнаго, при-
обрѣла бы вассала покорнаго, надежнаго,
готоваго исполнять всѣ ея требованія, кло-
нящіяся ко благу обѣихъ «державъ». Ан-
гличанъ я не люблю, близко позна-
комившись съ ними въ Индіи, и никогда
бы на сторону ихъ не передался, плати
они мнѣ хоть въ десять разъ болѣе, чѣмъ
платятъ Ширъ-Алію кабульскому. Я бы
попросилъ даже прислать мнѣ и содер-
жалъ бы на своемъ издѣліи роту-дру-
гую солдатиковъ да батарею конной
артилеріи: этихъ силъ было бы мнѣ до-
статочно, чтобы обуздывать буйство соб-
ственныхъ подданныхъ и болѣе или ме-
нѣе удерживать туркменовъ отъ ихъ гра-
бительскихъ вторженій въ Персію: зна-
читъ, была бы и Персія много довольна.
Тѣ же солдатики и батарея служили бы,
подъ командою смышленнаго офицера, га-
рантіею для Россіи, что я неизмѣню сво-
ихъ убѣжденій, выше высказанныхъ. При-
помните, что такой порядокъ вещей былъ
бы осуществленіемъ идеи Петра Велика-
го. Вѣдь онъ предполагалъ, что драгуны,
которыхъ посылалъ съ Бековичемъ, бу-
дутъ играть въ Хивѣ и при ханѣ хивин-
скомъ, который просился къ нему въ
подданство, именно ту самую роль, кото-
рую предоставляю я военной силѣ, нуж-
ной мнѣ отъ васъ. Наконецъ, такой спо-
собъ подчиненія Хивы русскому вліянію
былъ бы chef d'oeuvre'омъ дипломатическа-
го искусства. Завоеванія никакого нѣтъ.

никакого расширенія предѣловъ;
если только реставрація древней, закон-
ной династіи, торжество права и справед-
ливости. Желалъ бы я знать, что бы могли
сказать противу такого образа дѣйствій
самые придирчивые англійскіе политики и
публицисты, даже самъ эскъ-дервишъ, про-
фессоръ Вамбери, бѣснующійся съ пѣною
у рта, когда говоритъ о русскихъ въ
Средней Азіи? Ничего, ничего и ничего
не могли бы они сказать; а если бы по-
пробовали, то я готовъ отвѣчать имъ та-
кою нотой, которая поставитъ ихъ въ ту-
пкъ гораздо болѣе, чѣмъ поставила васъ
дееша графа Грэнвиля. Я, вѣдь, азія-
тецъ, меня хитростію и ловкостью не
удвишь: на одну загвоздку отвѣчу я де-
сякомъ загвоздокъ, одна другой заборя-
сте. Повторяю, что я лично былъ въ
Индіи, и не даромъ потратилъ тамъ вре-
мя. Я бы даже желалъ, чтобы британцы
заѣли меня. Почувствовавъ, съ кѣмъ имѣ-
ю дѣло, они навѣрное найдутъ выгод-
нѣйшимъ заткнуть мнѣ ротъ соверенами,
и, оставаясь преданнымъ Россіи, буду
получать и отъ нихъ кругленькую еже-
годовую субсидію, съ тѣмъ чтобы упраж-
нять мой каламъ единственно надъ по-
мянутую выше «Исторію Турковъ», иныхъ
предметовъ не касаясь.

Ну, такъ хотите, чтобы я сидѣлъ ха-
номъ въ Хивѣ?

Султанъ Мендали Пирамевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА».

ПИСЬМО ВТОРОЕ:

О томъ, почему я не хочу быть ханомъ въ Хивѣ.

Въ предшествующемъ письмѣ изложилъ я права мои на ханское въ Хивѣ достоинство, и старался разъяснить, какія выгоды для Россіи могли бы послѣдовать отъ подчиненія хивинцевъ такому, какъ я, образованному и гуманному человѣку, искренно, притомъ, любящему русскихъ. Весьма можетъ быть, что это внушило вамъ мысль, будто я очень желаю сидѣть на ханствѣ въ Хивѣ и серьезно этого домогаюсь. Въ такомъ случаѣ вы очень ошибаетесь. Видите, какъ легко попасть въ просакъ, имѣя дѣло съ хитрымъ азіятцемъ. Нисколько не желаю я ханствовать въ Хивѣ, ни малѣйше къ тому не стремлюсь, и счелъ бы себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если бы меня, какимъ либо образомъ, возвели на престолъ хивинскаго владѣнія. Доказывая права мои на этотъ престолъ, я не имѣлъ въ виду ничего инаго, какъ сдѣлать неудовольствіе Ширъ-Али, хану кабульскому: пусть-де видите, какъ умѣю я доказывать, что мнѣ нужно, и какъ бы я расправился съ его претензіями, обратись онъ съ ними ко мнѣ. Больше ничего.

Да, кромѣ того, не могли бы вы «возвести» меня на хивинскій «престолъ», если бы и убѣдились моими доводами. Не только невозможно было бы это для Россіи, не смотря на ея могущество и неоспоримыя права мои, — невозможно было бы и для соединенныхъ силъ всѣхъ европейскихъ державъ. «Какъ такъ, почему невозможно?» спросите вы, удивленные и пораженные такою неожиданностью. А

*) См. № 52 „Русскаго Мира“.

потому невозможно, мм. гг., почему невозможно стрѣлять безъ пороку. Во дворцѣ ханскомъ въ Хивѣ «престола», на который бы вы могли возвести меня — не имѣется. Да если бы и нарочно привезли вы для меня «престолъ» изъ Европы (изъ Испаніи, напримѣръ, изъ Ганновера или Неаполя), такъ «возведеніе» меня на оный ни къ чему бы не привело — «восшествіе» мое не было бы законнымъ. Знайте, мм. гг., что въ Хивѣ, какъ и во всей Средней Азіи, въ ханское достоинство не «возводятъ», а «возносятъ». Вотъ что. Если желаете вѣдать, какимъ способомъ это дѣлается, я вамъ скажу, такъ какъ въ европейскихъ книгахъ ничего по этому предмету не отыщете. Чтобы сдѣлать человѣка ханомъ, нуженъ не престолъ, а кошма. Кошма — это плотный войлокъ, въ родѣ ковра, изъ котораго дѣлается и покрыва для «кибитокъ». Кошма разстилается на землѣ. Избранный или назначенный въ ханы садится на эту кошму. Тогда за четыре конца ея берутся четыре знатнѣйшіе сановника ханства, и, девять разъ приподнявъ на ней провозглашаемаго ханомъ, «возносятъ» его затѣмъ вмѣстѣ съ кошмою на обыкновенное сѣдалище — какойнибудь рундукъ или сундукъ. Девять разъ воздымаютъ провозглашаемаго потому, что это — священное и благополучное число. Хотите вы одарить кого, слѣдуетъ дать или поднести непременно девять вещей, не менѣе; а хотите дать болѣе, такъ слѣдуетъ дать 9×9 , то-есть восемьдесятъ одну. Такое это священное и приносящее благополучіе число девять, что одинъ крымскій ханъ, желая избавиться отъ многочисленныхъ братьевъ-соперниковъ, перерѣзалъ изъ нихъ именно девятерыхъ. Ширъ-Али, если бы вздумалъ поступить такимъ же образомъ, имѣлъ бы подною къ то-

му во
Моха
Вооб
метал
рали-
и сче
изъ
при
объ
труд
ному
его:
дѣте
Толь
дѣда
могл
«пре
Ра
поче
этот
чему
суще
ство
тель
потол
те, с
Пр
скаго
шива
но, с
ны?
Разв
не п
меня
на д
попа
Даж
ком
почт
съ
прив
суду
каки

не-му возможность: кромѣ его, у отца его Достъ-
вор-Мохаммеда было еще двѣнадцать сыновей.
на-Вообще, на-счетъ потомства, мы, маго-
метане, запасливы: у прадѣда моего, Ну-
и — рали-хана, было столько дѣтей, что онъ
при-и счета имъ не зналъ. Разъ, когда одинъ
бро-изъ начальниковъ Оренбургскаго края,
но-при свиданіи съ прадѣдомъ, освѣдомился
вѣ-объ этомъ обстоятельстве, прадѣдъ за-
кон-труднился отвѣтомъ, и, обращаясь къ од-
ивѣ-ному изъ приближенныхъ, самъ спросилъ
ское-его: «а сколько, въ самомъ дѣлѣ, у меня
озно-дѣтей — ты, вѣдь, это лучше знаешь?»
дать, Только сыновей однихъ было у прапра-
вамъ-дѣда моего сорокъ штукъ, и всѣ они
вни-могли быть претендентами на хивинскій
оты-«престолъ».

Разъяснивъ вамъ, такимъ образомъ,
ома — почему не можете вы «возвести» меня на
изъ-этотъ престолъ, перехожу къ изложенію, по-
«ки-чему былъ бы я несчастнѣйшимъ въ мірѣ
млѣ-существомъ, если бы посадили меня хан-
ы са-ствовать въ Хивѣ. Я человѣкъ основа-
е кон-тельный, на вѣтеръ ничего не говорю;
анов-потому, если сказалъ что, такъ ужъ, знай
днѣвъ-те, сказалъ резонно.

«воз-Проживая въ Россіи, въ качествѣ рус-
имою-скаго подданнаго, какому наказанію, спра-
и ни-шивается, могу я подвергнуться безвин-
разъ-но, безъ повода къ тому съ моей сторо-
тому, — ны? Никакому, рѣшительно никакому.
чис-Развѣ только мировой судья, которому
дуетъ-не понравится моя фізіономія, посадить
тъ ве-меня за это, безапелляціонно, подъ арестъ
олѣе-на два дня. Но, зная это, я стараюсь не
юсем-попадаться на глаза мировымъ судьямъ.
и при-Даже на улицѣ, встрѣтившись съ мужи-
что-комъ «въ состояніи невмѣняемости», я
слотъ-почтительнѣйше даю ему дорогу и схожу
ковъ, съ тротуара въ грязь, чтобы не быть
рыхъ-привлеченнымъ сею священною особою къ
тъ та-суду по жалобѣ на отсутствіе уваженія,
бъ то-какимъ всякій развитый и образованный

человѣкъ обязанъ къ грубому и необразо-
ванному, ради того, что сей послѣдній, по
шат-гла-ихъ-на,ско-пра-ста-вѣу-ды-сик-хов-или-уча-и с-за-том-пер-ме-зав-нят-дву-сид-и в-
безграмотности, «обязанностей своихъ
знать не можетъ». Правда, могу я также
прогуляться не на собственный счетъ въ
какую либо заволжскую губернію, и про-
жужировать тамъ годъ или два, при помо-
щи ежедневной субсидіи въ 11 копѣекъ;
но это, вѣдь, въ такомъ только случаѣ,
если падетъ на меня подозрѣніе, что я,
въ союзѣ съ хивинцами, волную Киргиз-
скую степь. Чтобы не навлечь на себя
такого подозрѣнія, я, вотъ сколько лѣтъ
ужъ, не возвращаюсь на родину, и живу
въ Петербургѣ, гдѣ даже, въ нѣкоторомъ
родѣ, прославился моею благонадежностью.

Сравните теперь это мое безопасное по-
ложеніе въ Петербургѣ съ тѣмъ, что мо-
жетъ постигнуть меня въ Хивѣ. Хивян-
цы — это самый непостоянный народъ въ
мірѣ, на который ничѣмъ нельзя угодить.
Не буду я притѣснять и обирать купцовъ,
слѣдовательно буду бѣденъ, буду не въ
состояніи уболагодворить моихъ прибли-
женныхъ, приближенные составятъ про-
тиву меня заговоръ и задушатъ меня,
какъ скрягу, ибо «щедрость есть добро-
дѣтель, къ которой самымъ званіемъ сво-
имъ обязывается падишахъ.» Стану, ра-
ди добродѣтели этой, притѣснять и оби-
рать купцовъ, возстанетъ противу меня
торговый классъ, едва ли не самый влія-
тельный въ ханствѣ, и низвергнетъ меня
съ преданіемъ смерти, на томъ основаніи,
что я провинился противу «правосудія и
справедливости». Заведу я, для быстрого,
въ самоскорѣйшемъ времени, просвѣще-
нія моихъ подданныхъ, прогрессивную га-
зету въ родѣ «Недѣля», или передовой
журналъ въ родѣ «Дѣла», всѣ муфтіи,
кадіи, сепиды, дервиши завопятъ, что я
муртадъ и кяфиръ, «отступникъ», «не-
вѣрный», и, въ качествѣ таковаго, отрѣ-

разо- шатъ меня отъ престола съ усѣкновеніемъ
й, по главы. Даже если бы для развлеченія мо-
ихъ подданныхъ въ тяжкіе дни рамаза-
на, пригласилъ я труппу Берга дать нѣ-
сколько представленій, подданные мои,
правда, повалили бы толпами на эти пред-
ставленія, совершенно сообразныя съ ихъ
вкусами, но тѣ же муфтіи, кадїи, сепи-
ды стали бы проповѣдывать, что я *фя-*
сикъ-у-фа джиръ, «развратитель», «грѣ-
ховодникъ», и, вслѣдствіе того, я, такъ
или иначе, но неизбѣжно подвергся бы
участи фон-Зона. Словомъ, смерть, смерть
и смерть ждетъ меня, чтобы я ни дѣлалъ,
за что бы ни брался, не говоря уже о
томъ, что у меня явится цѣлая куча со-
перниковъ, которые рады будутъ извести
меня всячески, лишь бы занять мое не-
завидное положеніе. Можете получить по-
нятїе объ этомъ изъ того, что въ теченіе
двухъ только годовъ, 1855 и 1856, пере-
сидѣло на ханствѣ въ Хивѣ шесть лицъ,
и всѣ они погибли насильственною смертію.

Такой печальный конецъ грозитъ мнѣ,
если я буду настоящимъ, дѣйствитель-
нымъ правителемъ страны. А можетъ слу-
читься и такого рода исторія: не убьютъ
меня, ханскаго достоинства не лишатъ,
въ *эутбэ* (эктеніи) будутъ по-прежнему
поминать мое имя, мое же имя будетъ и
на монетѣ чеканиться, а между тѣмъ
запрутъ меня, раба Божїя, приставятъ ко
мнѣ караулъ, чтобы я не сбѣжалъ куда-
нибудь, морить голодомъ не станутъ, но
кормить и одѣвать будутъ скверно; при
этомъ, разъ въ недѣлю, по пятницамъ,
будутъ вывозить меня, подъ конвоемъ,
разумѣется, въ соборную мечеть на бо-
гомоленіе, чтобы видѣлъ народъ, что па-
дишахъ его живъ и здравствуетъ, а по
окончаніи богомоленія—опять отвозить,
тѣмъ же порядкомъ, домой; да будутъ
еще представлять на утвержденіе мое

смертные приговоры, когда понадобится
укокошить кого законнымъ образомъ, по
съ тѣмъ, разумѣется, что отмѣнить при-
говора мнѣ не позволятъ. И такое суще-
ствованіе придется мнѣ влечить, Богъ
знаетъ сколько лѣтъ, до самой кончины.
Не вѣрите въ возможность подобнаго по-
рядка вещей, такъ я, въ подтвержденіе
сказаннаго, свидѣтеля представляю, и
не простолюдина какого, а маіора, и при-
томъ нѣмца, стало-быть человѣка, кото-
рому нельзя не повѣрить—именно маіора
Бланкеннагеля, находившагося въ Хивѣ
въ 1793—94 годахъ и оставившаго за-
писки о своемъ тамъ пребываніи. Въ за-
пискахъ этихъ сказывается онъ, что «хи-
винскій ханъ въ правительствѣ значить
меньше всѣхъ; три раза въ годъ показы-
вается онъ народу, окруженный тѣми, ко-
торые дѣлами правятъ; въ прочее же вре-
мя сидитъ въ-заперти подъ строгимъ при-
смотромъ; въ придворномъ его содержа-
ніи не соблюдается даже благопристой-
ности, и перѣдко въ самомъ необходи-
момъ претерпѣваетъ нужду». Имѣются
свидѣтельства подобнаго рода, еще бо-
лѣе достовѣрныя, отъ людей двадцать-
тридцать лѣтъ проживавшихъ въ хивин-
скомъ ханствѣ и всю подноготную тамъ
узнавшихъ, и именно—отъ русскихъ плѣн-
никовъ; но, не имѣя свидѣтельствъ этихъ
подъ рукою, не могу цитировать ихъ
текстуально. Впрочемъ, изложенный стран-
ный, непонятный для европейца, поря-
докъ вещей существовалъ, во-второй по-
ловинѣ прошлаго вѣка, не только въ хи-
винскомъ, но и въ сосѣднемъ съ нимъ—
бухарскомъ ханствѣ, да возникалъ перѣд-
ко и прежде того. Извѣстно, напримѣръ,
что знаменитый Тамерланъ и долгое вре-
мя соперничавшій съ нимъ эмиръ Ху-
сейнъ обое возили съ собою тѣхъ хановъ,
во имя которыхъ правительствовали, Сго-

гограшмиша и Адиля—въ обозѣ, вмѣстѣ съ прочими излишними тяжестями, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Источникъ такихъ явленій заключается въ нѣкоторыхъ космологическихъ и физиологическихъ понятіяхъ средне-азіатцевъ, разяснить которыя въ настоящемъ случаѣ неудобно. Но я не лишу ученый міръ этого разясненія: оно составитъ предметъ особаго мемуара, который готовлю я для мюнхенской академіи наукъ и посвящаю ученымъ друзьямъ моимъ: Шотту и Потту. Изъ предковъ моихъ, близкихъ и дальнихъ, многимъ приходилось ханствовать описаннымъ образомъ. Не мудрено, что нѣкоторые изъ нихъ, улучивъ оплошность караульныхъ, брали собственныхъ коней и удирали на нихъ изъ своего ханства во всѣ лапаты. Кто же поручится, что и меня подданные мои не обратили бы въ такого властителя подъ замкомъ? А согласитесь, что это было бы въ высшей степени непріятно, во всякомъ случаѣ гораздо непріятнѣе, чѣмъ прозябать въ Онегѣ или Мезени, гдѣ, по крайней мерѣ, имѣется образованная компанія, съ которою можно коротать время въ стуколку или ералашъ.

Положимъ, однако, что заступничествомъ Багауддина и другихъ святыхъ, къ могиламъ которыхъ ходилъ я на поклоненіе, не буду я въ Хивѣ ни обезглавленъ, ни обреченъ на пожизненное заключеніе, а буду такимъ же грознымъ и самоуправнымъ властителемъ, какими были ханы Мухаммедъ-Рахимъ и сынъ его Аллакули. Что-жъ, думаете вы, выгодно было бы мнѣ промѣнять теперешнее мое не очень блистательное положеніе на то, въ какомъ находились помянутые хивинскіе ханы? Такъ не выгодно, что я не иначе, какъ съ ужасомъ помышляю о подобной возможности. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда

сообразите внимательно слѣдующія обстоятельства:

Доходы мои простираются всего до 1500 рублей сер., которые высылаются мнѣ въ Петербургъ изъ степей, гдѣ пасутся стада мои. Согласитесь, что это куда немного, что не раскутишься, не разгуляешься на такія средства. Тѣмъ не менѣе, я живу здѣсь и наслаждаюсь. Сплю хотя въ маленькой, но чистой, меблированной комнатѣ. Чай пью ежедневно два раза, и не въ прикуску, а въ накладку. Обѣдаю за дешевую цѣну, но вкусно и сытно въ закусочной, что внутри Гостиного двора. Какъ мусульманинъ, вина я не употребляю и на эту весьма капитальную статью расхода для христіанъ всѣхъ исповѣданій не трачу ни копейки, вслѣдствіе чего остается у меня нѣкоторая сумма на другія потребности животныя и духовныя, не въ счетъ тѣхъ, которыя удовлетворяются въ Петербургѣ не только даромъ, но еще съ сюрпризами. Такъ, напримѣръ, по части потребности въ просвѣщеніи: приходитъ мнѣ желаніе получить понятіе о новѣйшихъ успѣхахъ педагогій,—иду въ засѣданіе любого изъ комитетовъ грамотности, и вижу, къ изумленію, что сами трактующіе о вопросахъ педагогій понятія не имѣютъ о психологій, лишены логики отъ природы и даже грамматикѣ не учились порядкомъ. Или почасти удовлетворенія чувства правды: иду на публичное обсужденіе какого-либо процесса, и вижу адвокатовъ, одинъ на перерывѣ передъ другимъ старающихся внушить присяжнымъ, что преступленіе не есть преступленіе, а нѣкоторымъ образомъ заслуга передъ обществомъ, ибо раскрываетъ ему его язвы. Что же касается до наслажденій, съ платою за таковыя, то, возжелавъ нравственно-эстетическихъ, отправляюсь на балконъ въ Александрино, гдѣ и

упиваюсь оными до седьмого поту. Желательно мнѣ привести себя въ пріятное расположение духа и тѣла,—отправляюсь къ Егареву, къ Бергу, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и французскому діалекту поучаюсь, ибо содержаніе всякой французской пѣсенки мимикою тамъ до совершенной ясности растолковывается. Знакомство пожелая завести близкое, но кратковременное,—на Невскій устремляюсь, когда смеркнется, а оттуда въ Эльдorado. Одно, чего мнѣ недостаетъ, или, вѣрнее сказать, не доставало, это—безкорыстная любовь. Но вчера увидѣлъ я вдругъ на окошкѣ моей бонаты клѣтку съ канарейкою, которой не покупалъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что это подарокъ отъ горничной тѣхъ *chambres garnies*, гдѣ я изображаю жильца. Стало быть, и по части безкорыстной нѣжности имѣю я надежду быть удовлетвореннымъ. Таково, мм. гг., въ главныхъ чертахъ, житье-бытье мое въ Петербургѣ при 1500 рублей дохода.

Посмотрите теперь, какое жалкое существованіе ожидаетъ меня на хивинскомъ «престолѣ» при томъ же самомъ доходѣ. «Какъ при томъ же самомъ», спрашиваете вы, пораженные нелѣпостію моей рѣчи: «да развѣ у хивинскаго хана только полторы тысячи рублей дохода? Быть не можетъ: черезъ край ужъ зашутились вы, любезный султанъ». Нисколько не шучу, мм. гг., а сущую истину вамъ возвѣщаю, и вздоромъ кажется она вамъ потому лишь, что не имѣете вы никакого правильного понятія о средне-азіатскихъ дѣлахъ вообще и хивинскихъ въ особенности. Дѣйствительно содержаніе хивинскаго хана равняется содержанію столоначальника въ любомъ нашемъ департаментѣ, съ тою, впрочемъ, разницею, что столоначальникъ получаетъ еще къ Пасхѣ и

Новому году денежныя награды или пособія, а хивинскій ханъ лишень удовольствія получать таковыя. Со временемъ, отъ насъ, пожалуй, станетъ получать за хорошее поведеніе, но до сихъ поръ не получалъ. Не вѣрите мнѣ, штабсъ-капитану (покойный капитанъ Копѣйкинъ только однимъ чиномъ былъ старше меня), такъ повѣрьте подполковнику Данилевскому, который въ 1843 году ѣздилъ съ миссіею въ Хиву, и въ составленномъ имъ «Описаніи хивинскаго ханства» пишетъ: «содержаніе ханскаго дома заключается въ ежедневномъ отпускѣ: двухъ батмановъ пшеничной муки, двухъ батмановъ сарачинскаго пшена, полутора батмана баранины и десяти фунтовъ кунжутнаго масла, какъ на пищу, такъ и на освѣщеніе, что составитъ *до пяти тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ*».—«До пяти», это значитъ меньше пяти, да и 5,000 р. ассигнаціями равняются на серебро только 1,429 рублямъ. Значитъ, я не шиканирую, опредѣляя содержаніе хивинскаго хана въ 1,500 р. сер.

Да иначе и быть не можетъ, если принять въ соображеніе, какъ скверно жили даже ханы, подобные Мухаммедъ-Рахиму и Алавулу. «Въ Хивѣ — рассказывалъ Ѳедоръ Грушинъ, а онъ многіе годы состоялъ довѣреннымъ лицомъ при Мухаммедъ-Рахимъ-ханѣ—скотину и лошадей кормятъ плохо, по бѣдности въ кормахъ; даже и ханскіе аргамаки стоятъ по суткамъ безъ корму. И чего аргамаки, коли и женамъ своимъ ханъ отпускаетъ хлѣбъ на вѣсъ... Многія изъ ханскихъ женъ посылаютъ остатки отъ плова своего на базаръ и покупаютъ на вырученную копѣйку шелкъ и другія мелочи... Чай пьетъ въ цѣломъ дворцѣ одинъ только ханъ, да и то калмыцкій, кирпичный, и изрѣдка только другой; раза два въ не-

по-оль-емъ, за не апи-лилъ ме-ани-диль-иомъ пи-клю-вухъ бат-тора кун-и на ты-«До-да и сере-тъ, я ie хи-при-жили химу лвалъ н со-ухам-падей махъ; о сут-коли клѣбъ женъ о на ю ко-Чай-олько ий, и-тъ не-

дѣлю пьеть онъ чай съ сахаромъ. Ханскимъ женамъ и дѣтямъ чаю не даютъ никогда». Ну-съ, какъ вамъ это нравится? «*Пьетъ чай съ сахаромъ только два раза въ недѣлю*»—да, вѣдь, это просто прелесть! Другой русскій изъ Хивы въходецъ, Иванъ Рязановъ, тоже долгое время состоявшій при сынѣ Мухаммедъ-Рахима, Сейдъ-Махмудъ-тюрѣ, рассказывавая о матери этого принца крови, бывшей любимую женою его отца, выражался такимъ образомъ: «Старая ханьша, должно быть, больно богата: кашу сарачинскую, которая идетъ ей изъ большой кухни, отъ Анны Васильевны (русской плѣнницы, бывшей первою поварихою при дворѣ Мухаммедъ-Рахима и Аллакула) отдаетъ она служанкамъ своимъ, а сама готовить обѣдъ дома, въ своемъ покойчикѣ, и кормить этимъ и дѣтей своихъ. Прочія ханьши объ этомъ и не подумаютъ; онѣ перебиваются кой-какъ, да сами вяжутъ шелковые колпаки и посылаютъ ихъ на базаръ». Какъ о верхѣ роскоши и великолѣпія въ гардеробѣ этой ханьши упоминаетъ Рязановъ, что была у нея персидская шаль, «за которую заплатили 20 золотыхъ» (80 р. сер.). Вотъ она, восточная роскошь-то!

Оказывается, что когда я, султанъ Пираліевъ, издерживаю 1,500 руб. сер. въ годъ только на собственную мою особу, хивинскій ханъ содержитъ на эту сумму себя самого, женъ своихъ, дѣтей, прислугу, конюшню, и если не голодаетъ самъ, то заставляетъ голодать нерѣдко и женъ своихъ, и дѣтей, и прислугу, и аргамаковъ. Конечно, по сборамъ, получаемымъ имъ съ ханства, могъ бы онъ издерживать и вдесятеро болѣе, да не издерживаетъ, потому что «не принято». Въ силу этого «не принято», которое повсюду въ мірѣ сильнѣе всѣхъ писанныхъ

законовъ, и я бы долженъ былъ, подобно предшественникамъ моимъ, питаться всю остальную жизнь лишь бараниною съ пловомъ подъ кунжутнымъ масломъ. Скажите, не каторга это была бы для меня даже послѣ скромнаго обѣда въ Гостиномъ дворѣ? И какъ подумаешь, что запивать этотъ вѣчный плавъ на кунжутномъ маслѣ приходится грязною водою изъ прудовъ, гдѣ водятся мириады микроскопическихъ циклоповъ! А проглотите такого циклопа, разовьется у васъ въ тѣлѣ *ришита*, «волосатикъ», т. е. подкожный глисть—болѣзнь съ страшнымъ зудомъ, о которой ужасы рассказываетъ г. Федченко. Въ такомъ положеніи, хоть бы покурить съ горя, такъ и того нельзя. Курить въ Хивѣ не принято, безбожіемъ почитается. Прибавьте къ этому, что въ покояхъ у васъ, съ глинянымъ поломъ и лишенныхъ свѣта, водятся всякая гадина, тарантулы, сороконожки, которая можетъ вползти на васъ ночью и ужалить. Но это еще ничего, въ сравненіи съ бѣдствіемъ не знать, что такое чистое полотняное бѣлье, и таскать на себѣ безсмѣнно грязную рубаху, хотя бы и шелковую... Бррр! А развлеченія какія при такой домашней обстановкѣ? Никакихъ, кромѣ гаремныхъ въ обществѣ неумытыхъ дуръ, да еще, пожалуй, боя барановъ, которые расшибаютъ лбы другъ другу, или зрѣлица собственныхъ вашихъ чиновниковъ, посаженныхъ на колъ по ханскому повелѣнію вашему... Нѣтъ, нѣтъ, ни за какія коврижки не поѣду ханствовать въ Хиву.

Султанъ Мендали Пираліевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА»

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

О томъ, какими способами добуду я денегъ для похода на Хиву.

Изъ подробностей о житіи-бытіи хивинскихъ хановъ, мною сообщенныхъ, вы должны придти къ полному убѣжденію, что не прѣмъняется съ ними своимъ положеніемъ не только вашъ покорнѣйшій слуга, но ни одинъ мало-мальски уважающій себя помощникъ столоначальника, если рассчитываетъ на повышение по службѣ. Да; и однако-жъ я желалъ бы завоевать хивинское ханство: не для того, чтобы властвовать надъ негодными хивинцами, а чтобы имѣть возможность проучить ихъ порядкомъ за ту пакость, которую они разъ мнѣ сдѣлали. Пакость эта была самаго гнуснаго свойства, и я не прощу имъ ея, пока не отомщу такъ, чтобы девять поколѣній помнили про мою месть. Не даромъ, вѣдь, я чингисханидъ. Въ чемъ заключалась эта пакость—не скажу я вамъ теперь, но потомки ваши узнаютъ о ней изъ моихъ автобіографическихъ записокъ, надъ которыми я давно уже работаю, въ виду того, что если самъ я себя не прослаблю, то неблагодарные современники, конечно, объ этомъ не позаботятся. Много, много тайнъ узнаетъ потомство изъ этихъ записокъ, такихъ тайнъ относительно нѣкоторыхъ персонъ, что персоны эти даже въ гробу будутъ перевортываться при чтеніи о ихъ подвигахъ. Открою вамъ по секрету, что я уже кончилъ первую часть моихъ записокъ, и чтобы не утратились онѣ какимъ-либо образомъ, чтобы не «устраили» ихъ кто-либо «изъ прежняго мѣста ихъ нахожденія»—какъ выражаются нынѣ юристы изъ уваженія къ ворами—отдалъ ихъ на храненіе въ императорскую публичную бібліотеку съ просьбою вскрыть несгораемый сундучокъ, куда заперъ ихъ, не ранѣе какъ черезъ тысячу лѣтъ. Вскрыть ранѣе этотъ ящикъ Пандоры было бы опасно, а я, какъ благонамѣренный гражданинъ, не желаю подвергать опасности любезное отечество.

Итакъ, у меня съ хивинцами свои счеты, вслѣдствіе которыхъ я жажду назначать ихъ примѣрнымъ образомъ.

Но «чтобы приготовить зайца подъ соусомъ, надо прежде поймать зайца», замѣтили глубокомысленно французы. Такъ и для того, чтобы привести въ исполненіе месть мою—надо предварительно, чтобы хивинцы были въ моей власти, а этого я могу достигнуть лишь завоевавши ихъ и покоривши. Вотъ о средствахъ къ тому и помышляю я денно и нощно.

Для войны, какъ всѣмъ извѣстно, нужны двѣ вещи: войско и деньги. По моему, нужны однѣ деньги. Будь у меня денегъ достаточно, найду я и войско. Приискивая способы добыть денегъ, остановился я на двухъ предположеніяхъ, одно другаго стоящихъ. Не зная, которое изъ двухъ предпочесть, обращаюсь за совѣтомъ къ вамъ, мм. гг., такъ какъ съ нѣкотораго времени замѣчаю въ газетѣ вашей здравые финансовыя взгляды. Которое вы одобрите, то и пущу въ ходъ.

Первое предположеніе заключается въ томъ, чтобы добыть денегъ путемъ пріобрѣтенія концессій на какую либо желѣзную дорогу. Этотъ способъ имѣетъ за собою два преимущества: современности и благородства. Всѣ благонамѣренные и высокообразованные джентльмены, всѣ истинные сыны отечества пріобрѣгаютъ теперь къ этому способу, и лишь какіе нибудь отсталые и скудоумные крохоборы надѣются зашибить копѣйку предпріятіями въ родѣ изданія газеты, устройства сыроварень, заведенія удобныхъ общественныхъ экипажей и тому подобными, къ разоренію лишь ведущими белеन्द्रясами. Пріобрѣсть бы только концессію, а перепродать ее съ нѣсколькими миліонами барыша—это ужъ плѣвое дѣло. И я имѣю основаніе рассчитывать, что въ концессіи отказано мнѣ не будетъ, ибо я съ такою иностранною дѣвицею знакомъ, которая отлично устраиваетъ подобныя вещи. Многіе уже ею облагодѣтельствованы, и облагодѣтельствованы деликатнѣйшимъ образомъ—съ

засвидѣтельствомъ ей благодарности, въ видѣ векселя на соотвѣтственную сумму, уплачиваемаго лишь по полученіи и продажѣ концесіи. Что-жъ, векселя — то что ли не сдумѣмъ мы выдать? Но чтобы имѣть концесію на желѣзную дорогу, надо прежде самую дорогу изобрѣсть. Нѣсколько лѣтъ тому, это считалось большою хитростію, но нынѣ, благодаря быстрому во всемъ прогресу, не затруднится такою задачею не только мало-мальски смышленный человѣкъ, а даже совершенный идіотъ. Надо проникнуться только аксіомою, что нѣтъ ничего въ мірѣ прямѣе прямой линіи, и стараться затѣмъ соединить какіе либо два пункта кратчайшимъ путемъ. Чѣмъ далѣе будутъ отстоять другъ отъ друга соединяемые дорогою пункты, и чѣмъ прямѣе будетъ при этомъ дорога, тѣмъ проектъ совершеннѣе.

На этомъ основаніи, проектирую я кратчайшую дорогу между Шринагаромъ въ Кашмирѣ и Саратовомъ въ саратовской губерніи. По этой дорогѣ поѣдутъ къ намъ и отъ насъ далѣе, въ западную Европу, всѣ естественныя богатства Индіи, которыми она издревле и доселѣ славится: слоны, аллигаторы, змѣи, обезьяны, попугаи, павлины, перецъ, корица, шафранъ и такъ далѣе. Англичане прибавятъ къ этому новѣйшія ея произведенія: чай, разведенный ими въ Гималаяхъ, и опиумъ, производимый ими въ Бенгалѣ. Можно разсчитывать, слѣдовательно, что пегодный китайскій чай замѣнится у насъ превосходнымъ англійскимъ, и распространится между русскимъ народомъ благотворное употребленіе опиума. Мы, въ свою очередь, будемъ снабжать Индію по этой дорогѣ незнакомыми еще ей нашими произведеніями, которые такимъ образомъ найдутъ обширнѣйшій сбытъ: мохомъ съ каннесской и тиманской тундры, словыми шишками изъ вятскихъ и вологодскихъ лѣсовъ, брусничною, рябиною, солеными огурцами, сушеными грибами, волками, медвѣдями, сусликами, сѣномъ съ саратовскихъ степей, гранитомъ изъ Финляндіи, черноземомъ изъ бассейна Оки и гнилыми сукнами изъ подмосковныхъ губерній. Оборотъ торговли установится, какъ видите, громад-

нѣйшій и преполезный, какъ для Индіи, такъ и для Россіи; а, вслѣдствіе того, и доходы отъ дороги получатся неимоверныя. Это для акціонеровъ. Что же касается до инженеровъ, которымъ поручится разсматривать и оцѣнивать мой проектъ, то они будутъ захлебываться отъ восторга — столько пищи даетъ онъ ихъ дѣятельности. Подумайте только: мостъ въ три версты черезъ Волгу подъ Саратовомъ, мостъ въ двѣ версты черезъ Уралъ между Горячинскою и Сахарною станціями, мостъ неизвѣстной длины черезъ Эмбу, дамба во сто верстъ черезъ сѣверную оконечность Аральскаго моря, мостъ въ двѣ версты черезъ Сыръ-Дарью около Ташкента, мостъ черезъ Чирчикъ за Ташкентомъ, тунель верстъ въ пятьдесятъ съвозъ горы между станціями Каракты и Шамданъ, мостъ въ версту черезъ Сыръ-Дарью къ Кокану, тунели или висячіе цѣпные мосты черезъ семь переваловъ на пути отъ Кокана до Кашгара, мостъ черезъ рѣки Кашгарскую, Янгышегскую и Яркендскую въ нѣсколькихъ мѣстахъ, да черезъ притокъ Яркендъ-Дарьи, извѣстный подъ именемъ Тинджаба; затѣмъ тунели сквозъ Каракорамскій хребетъ, мостъ черезъ Индъ подъ Искардо, а тамъ подняться да спуститься еще разъ пятьдесятъ — глядишь, уже и Шринагаръ подъ носомъ. Сколько достойныхъ людей могутъ обезпечить себя и потомство свое, руководствуя работами при означенныхъ сооруженіяхъ. Душа радуется при одной мысли объ этомъ у всякаго гражданина, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ. Но это лишь по части дохода отъ единовременныхъ затратъ, а постоянный-то ремонтъ — никакая другая чутунка въ мірѣ не дастъ объ немъ понятія, ни американская отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско, ни индѣйская отъ Бомбея до Ганга. Сообразите, что полгода дорога будетъ засыпаться снѣгомъ, который требуетъ устраненія, а другое полугодіе — песками, которые тоже требуютъ устраненія: работы будутъ производиться безостановочно, а это, кромѣ завѣдующихъ ими, дастъ хлѣбъ и мѣстному населенію, и оно будетъ благословлять за то и учредителей, и акціонеровъ, и строителей. Гуманности-то, гуманности сколько въ мо-

дін, о, и вѣр-ка-чит-про-отъ ихъ ость ара-резъ рною че-резъ юря, ырѣ-резъ ѣ въ ика-резъ и ви-рева-гара, [агы-кихъ ары, за-хре-ардо, разъ агаръ юдей свое, ныхъ одной нина, змей-хода тоян-гунка и, ни Санъ-ея до орога і тре-іе — стра-бев-ощихъ енію, учре-гелей. ѣ мо-

емъ проектѣ! Ко всѣмъ изложеннымъ пред-лестямъ слѣдуетъ прибавить еще, что подвижной составъ никогда не будетъ бездѣйствовать, если бы даже ни одного пуда товару не шло по дорогѣ, ни одного пассажира по ней не ѣхало: занятъ будетъ подвижной составъ постоянною подвозкою на безчисленныя станціи дороги—воды и топлива, такъ какъ воды, годной въ употребленію, нельзя имѣть по крайней мѣрѣ на половинномъ протяженіи дороги, а топлива—на всемъ ея протяженіи. Могъ бы я перечислить и множество другихъ выгодъ проектированной мною линіи, но достаточно, надѣюсь, и сказаннаго, чтобы вы убѣдились, какъ выгодна она и для акціонеровъ, и для строителей, и для будущихъ директоровъ ея, а потому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, при пособіи вышерѣченной дѣвицы и нѣкоторыхъ другихъ подходцевъ, мнѣ извѣстныхъ, получу я концесію на оную отъ всѣхъ заинтересо-ванныхъ въ дѣлѣ державъ. Передать затѣмъ концесію другимъ лицамъ за нѣсколько миліоновъ отступнаго — дѣло, какъ даже ребятишкамъ нынѣ извѣстно, не требующее никакого напряженія умственныхъ силъ. Да, наконецъ, знаете что: не найдется другихъ охотниковъ купить у меня концесію, такъ съ руками оторветъ ее у меня саратовское земство, какъ по той роли, какую предоставляю я Саратову въ моемъ проектѣ, такъ и по той либеральности и предусмотрительности, какими прославилось оно въ дѣлѣ проведения и сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Сверхъ всего изложеннаго, посвящу я покупателей моей концесіи въ одинъ секретъ величайшей, безмѣрной важности, который рѣшитъ покупку, если бы даже покупатели и затруднились нѣкоторыми, ничтожными впрочемъ, неудобствами проектированной мною линіи. Секретъ этотъ—геніальнѣйшая вещь, единственная геніальная, какую мнѣ удалось изобре-сти, не смотря на природную остроту ума моего, усовершенствованную науками и путешествіями. О, Господи! какъ хочется мнѣ сообщить вамъ мой секретъ. О, пророкъ, наперстникъ Аллаховъ, о Али, мечъ Божій, о вы, праведнѣйшіе асхабы и ансары, о, вы, правовѣрные халифы, шествовавшіе стезею правды! удержите

удержите меня отъ этой глупости — вѣдь это миліоны, десятки, сотни миліоновъ выпущу я изо рта. Но нѣтъ, чувствую, что языкъ мой — врагъ мой, и не удержусь я, выболтаюсь. Такъ уже predetermined-лено, должно полагать, а кто же въ силахъ противостоять predetermined-ленію? Ну, слушайте:

Имѣю я отъ самовѣриѣйшихъ людей свѣдѣніе, что лишь только дорога, мною проектированная, будетъ построена, какъ всюду въ Индіи разомъ вспыхнетъ возстаніе противу владычества англичанъ. Англичанамъ, въ такомъ положеніи, не останется ничего, какъ убираться оттуда во свояси, на свой островъ, со всѣми скопленными ими въ Индіи несчетными сокровищами. Но моремъ-океаномъ они на свой островъ не поѣдутъ; не поѣдутъ по той причинѣ, что заатлантическіе друзья наши — сѣверо-американцы — непременно пронохаютъ о сокровищахъ, которые повезли бы съ собою англичане, и будутъ стеречь ихъ на пути моремъ-океаномъ, чтобы захватить и такимъ способомъ окончательно индемнизировать себя по алабамскому иску. Зная это, сокровища свои и самихъ себя повезутъ англичане сухопутнымъ, по мною изобрѣтенной дорогѣ, ибо между русскими и англичанами никакихъ непріятныхъ споровъ нѣтъ, а если и встрѣчаются кое-какія недоразумѣнія по поводу Индіи, то повода этого существовать уже не будетъ, такъ какъ изъ Индіи прогонятъ ихъ туземцы. Вотъ, когда англичане будутъ ретироваться по моей дорогѣ, я, рабъ Божій, и подстерегу ихъ на дистанціи между Эмбой и Аральскимъ моремъ. Адаевцы тутъ ко-чующіе—пріатели мои, а вѣдь вамъ должно быть извѣстно, что грабители они перваго сорта. Много о злодѣйствахъ ихъ даже въ «Инвадѣ» писано. Ну, и подговорю я адаевцевъ, передъ тѣмъ какъ идти поѣзду съ англичанами, снять рельсы съ дороги, и только-что полетятъ вагоны вверхъ тормашками, какъ мы бацъ на англичанъ — и захватимъ всѣ ихъ несчетныя сокровища; которые изъ англичанъ, не раздавленныхъ вагонами, защищаться вздумаютъ, тѣхъ перебьемъ, а женъ и дѣтей ихъ полонимъ да въ Бухару проладимъ. Тамъ на такой товаръ всегда по-

купищиковъ вдоволь. Съ адаевцами я условлюсь, что за руководство предпріятіемъ половину награбленнаго мнѣ. Опи, хотя и грабители, но народъ честный: общаются, такъ исполняютъ. Эта половина составитъ не менѣе полутора миліарда франковъ, если предположить даже, что англичане вывезутъ изъ Индіи не болѣе того, сколько вывезъ оттуда, въ царствованіе Императрицы Анны, великій вонитель и грабитель, шахъ персидскій; знаменитый Надиръ. Видите, что брать контрибуцію миліардами прежде Бисмарка выдумали. Я же изъ 1,500 миліоновъ франковъ, которые получу на свою долю, обязываюсь цѣлую половину, т. е. 750 миліоновъ франковъ, преподнести покупателямъ моей концесіи, въ видѣ подарка отъ признательнаго сердца. И, послѣ этого, не приобрѣтеть отъ меня концесіи саратовское земство? Не оставляю я безъ поощренія и другихъ доброжелателей моихъ. Вамъ, господа пропріетеры и сотрудники «Русскаго Міра», задамъ такой потемкинскій пиръ, что послѣ него газета ваша три мѣсяца выходить не будетъ, и за все это время подписчиковъ вашихъ вознагражу двойнымъ количествомъ подписныхъ денегъ: по 10 р. на подписчика отпущу, такъ что они о невыходѣ газеты жалѣть не будутъ.

Надѣюсь, теперь не сомнѣваетесь вы, что будутъ у меня деньги для похода на Хиву. Но если бы случилось, что дѣвица моя скончается вдругъ скоропостижно, или стрясется какая другая, непредвидѣнная бѣда, и не выхлопочу я концесіи на дорогу отъ Шринагара до Саратова, есть у меня въ запасѣ другое предположеніе, основанное совсѣмъ уже на иныхъ соображеніяхъ. Опасаюсь только, такъ-ли легко поймете вы его практическую, какъ перваго, ибо требуетъ оно дипломатическаго образа дѣйствій.

Дѣло въ томъ, что евреи составляютъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы зло, грозящее страшными послѣдствіями даже въ близкомъ будущемъ. Зломъ же являются евреи не почему либо иному, какъ потому, что хотятъ быть цыганами. Не понимаете? Такъ я и зналъ, что не догадаетесь, а мысль моя между тѣмъ совершенно ясна. Чѣмъ существуютъ, чѣмъ добываютъ себѣ пропитаніе цыгане? Мужчины—

меломъ; женщины—ниществомъ и хиромантиею. Что цыгане, по экономической непроизводительности своей, составляютъ вредный классъ населенія, въ этомъ согласны всѣ статистики. Но почему этотъ вредный классъ населенія не опасенъ? Потому, что малочисленъ, что составляетъ ничтожный процентъ въ общей массѣ населенія, такъ какъ на одну цыганскую душу приходится всюду тысячи христіанскихъ, вслѣдствіе чего вредъ отъ паразитнаго существованія этой души, раздѣленный на тысячу полезныхъ существованій, становится не ощутителенъ. Но представьте себѣ, что въ какой либо странѣ на тысячу душъ производительнаго населенія приходится паразитныхъ цыганскихъ десять, пятьдесятъ, сто, даже болѣе. Ясно, что паразиты эти, питаясь на счетъ соковъ трудящагося населенія, истощаютъ его и становятся такимъ образомъ язвою, опасною для общественнаго организма. А такою именно язвою и являются повсюду, гдѣ они многочисленны,—потомки Израиля, ибо существуютъ они и желаютъ существовать, почти исключительно, экономически непроизводительными, цыганскими способами: мошенничествомъ всякаго рода и всякаго рода факторствомъ, т. е. такимъ промысломъ, при которомъ деньги отъ продавца и покупателя чего бы то ни было проходятъ черезъ ихъ руки и пристають къ нимъ. Само по себѣ факторство (я понимаю его въ обширномъ смыслѣ: и банкиръ, и торговецъ, и подрядчикъ—все по моему фактору) еще не бѣда, и въ извѣстной мѣрѣ полезно и даже необходимо; но когда на тысячу продавцовъ и покупателей приходится не десятокъ, а цѣлая сотня факторовъ, и притомъ безъ посредства этихъ факторовъ никто ничего ни купить, ни продать не можетъ, такъ какъ составляютъ они касту, дѣйствующую заодно, то въ результатѣ купли и продажи остается то, что продавецъ и покупатель становятся чернорабочею силою, существующею единственно на пользу факторовъ, становятся, такъ сказать, крѣпостными крестьянами во власти факторовъ-помѣщиковъ. Прибавьте къ этому, что, вслѣдствіе раннихъ браковъ и обычной пищи изъ рыбы съ янцами, племя еврейское страшно плодливо и размножается далеко быстрее, чѣмъ всѣ другія въ Европѣ, почему въ странѣ, гдѣ живутъ они, процентъ паразитнаго

населения возрастаетъ съ каждымъ днемъ—и вы поймете, что правительства тѣхъ странъ, гдѣ скучены евреи, готовы избавиться отъ этой одолѣвающей ихъ египетской язвы цѣною самыхъ тягостныхъ денежныхъ пожертвованій. Средство избавленія, между тѣмъ, одно—выселить евреевъ куда нибудь. Но куда? Въ томъ-то и затрудненіе. That is the question. Съ воплемъ и сто-нами молятся евреи: «Іегова, богъ отецъ нашихъ, изведи насъ изъ страны изгнанія и водвори опять въ землѣ обѣтованной!» Но «земля обѣтованная» въ рукахъ ту-роковъ, которые не пустятъ въ нее евре-евъ; да хотя бы и пустили, такъ сами евреи не пойдутъ туда, ибо земля эта со-вершенно-безплодна и они перемерли бы тамъ съ голоду, если бы даже обратились въ земледѣльцевъ, чѣмъ рѣшительно не хотятъ быть въ Европѣ.

Изъ всѣхъ правительствъ этой послѣд-ней, румынское, въ настоящее время, наи-болѣе заинтересовано очищеніемъ те-риторіи своей отъ распложающихся на-ней жидовъ, ибо центральный кагалъ по-слѣднихъ, именуемый Alliance israélite, не даетъ покоя этому правительству, ни днемъ ни ночью, заступничествомъ своимъ за еврейское населеніе Румы-ніи, когда молдо-валахи, выведенные изъ терпѣнія, начинаютъ расправляться съ нимъ помимо судей и полиціи, что повто-ряется тамъ аккуратно черезъ каждыя шесть недѣль. Вотъ, къ румынскому правитель-ству и обращаюсь я съ предложеніемъ пре-доставить въ полное его распоряженіе хивинскій оазисъ, для выселенія туда евреевъ, если оно снабдитъ меня денеж-ными средствами къ завоеванію этой страны, и румынское правительство, ко-нечно, съ радостію ухватится за мое пред-ложеніе. Выселеніе евреевъ въ Хиву бу-детъ имѣть притомъ видъ законной ре-ставраціи. Я, какъ видѣли вы по изло-женію правъ моихъ на хивинскій пре-столъ, всегда и во всемъ партизанъ закон-ности и реставрацій. «Почему же водво-реніе евреевъ въ Хивѣ будетъ имѣть видъ законной реставраціи? Развѣ они когда нибудь властвовали тамъ?» спро-сите вы. Ну, въ Хивѣ-то, пожалуй, и не властвовали, отвѣчу я, а по сосѣдству съ Хивою существовало-таки жидовское цар-ство, настоящее жидовское, гдѣ и царь, и вельможи—всѣ были Моисеева закона,

а именно—знаменитое въ средніе вѣка царство хазарское. При томъ маломъ зна-комствѣ съ исторіею и географіею Во-стока, какимъ обладаютъ европейскіе пу-блицисты вообще и румынскіе въ-осо-бенности, весьма легко распространить въ Европѣ убѣжденіе, что хазарское цар-ство именно Хиву-то и имѣло своею сто-лицею. Видѣ вѣрятъ же въ Европѣ уче-нію Духинскаго и компаніи, что вы, рус-скіе—смѣсь чухонъ съ татарами и тунгу-сами. Такимъ образомъ, изгнаніе евре-евъ изъ Румыніи въ Хиву весьма не му-дрено представить образованной Европѣ, какъ возвращеніе имъ прежней ихъ тери-торіи; такъ-что Хива, въ нѣкоторомъ ро-дѣ, можетъ весьма удобно даже Пале-стины должность исправлять. Поставивъ на видъ румынскому правительству, съ тою ясностію изложенія и убѣдитель-ностію доводовъ, какими отличается мое перо, обстоятельство это, т. е. наслѣд-ственная принадлежность Хивы евреямъ—своими правами на хивинское ханство я поступаю въ ихъ пользу, подобно тому, какъ послѣдній изъ Аббасидовъ, прожи-вавшихъ въ Египтѣ, уступилъ права свои на халифатъ султану османскому Сели-му—обстоятельство это, говорю я, устра-нить и послѣднія затрудненія, которыя бы могли представиться по снабженію меня суммою, необходимою для завоеванія Хи-вы, ибо и сюзеренамъ надъ Румыніею, туркамъ константинопольскимъ, дѣло ста-нетъ ясно, какъ день.

Но этою суммою я не ограничусь. Ras si bête. Идея моя такого сорта, что изъ нея можно извлечь множество разныхъ пользъ, какъ бы ни отнеслись къ ней са-ми евреи. Пожелаютъ они обзавестись своимъ, собственно имъ принадлежащимъ, царствомъ въ Хивѣ, и пожелаетъ баронъ Монтефьоре быть тамъ царемъ, такъ я сдѣру съ него миліончикъ за то, чтобы не передавать Хивы во владѣніе братьямъ ба-ронамъ Ротшильдамъ; а захотятъ Ротшиль-ды царствовать въ Хивѣ, такъ пусть за-платятъ мнѣ по миліону съ брата, итого четыре: иначе стану интриговать въ поль-зу Монтефьоре. Затѣмъ рождается во-просъ: какъ захотятъ евреи принять отъ меня завоеванное мною хивинское хан-ство—съ жителями, или безъ оныхъ, т. е. чтобы до передачи имъ страны истребилъ я мѣстное ея населеніе, какъ филистим-

лянь, или оставилъ его цѣлымъ и невредимымъ (пересѣвши, разумѣется, предвари-тельною отъ этого удовольствія и ни за какіе миліоны неотступлюсь), чтобы было имъкого эксплуатировать хоть на первое время. Въ послѣднемъ случаѣ, пусть заплатятъ мнѣ впередъ за то, что я подарю имъ 200,000 хивинскихъ душъ; а въ первомъ— пусть заплатятъ мнѣ, впередъ же и второе, за то, что я приму на себя кровавую операцію ихъ истребленія. «Ну, хорошъ вы мусульманинъ, когда готовы рѣзать братьевъ вашихъ мусульманъ, какъ барановъ, и для кого же, для жидовъ!» воскликнуть читательницы «Русскаго Мира»: «да послѣ этого не вѣримъ мы въ ваше мусульманство, и даже готовы усомниться въ самомъ существованіи вашемъ, султанъ Пираліевъ». Тише, тише, mesdames. Я бы могъ разбить ваше возраженіе тысячу примѣровъ какъ самые ревностные христіане усерднѣйшимъ образомъ рѣзали другихъ, тоже весьма ревностныхъ христіанъ, да пора кончать это длинное письмо. Ограничусь указаніемъ на примѣрное житіе предка моего съ материнской стороны, эмира Теймура-Гурекана (по вашему, Тамерлана), который сотнями тысячъ вырѣзывалъ мусульманское населеніе за пакости меньшія той, какую учинили мнѣ хивинцы, а между тѣмъ слылъ за образецъ мусульманскаго благочестія, былъ нѣжнѣйшій семьянинъ, и самъ, въ автобіографіи своей, объясняетъ, что «противившіеся ему были противниками Аллаха, а потому заслуживали наказанія собственно за непокорность свою волѣ Аллаха». По этой, наслѣственной у предковъ моихъ, логикѣ, если хивинцы, по мнѣнію моему, заслуживаютъ сѣченія, да не пересѣкутъ другъ друга добровольно, такъ я имѣю полнѣйшее право снять съ нихъ головы за подобную ихъ безтолковость. Да и такое ли нынѣ время, чтобы искренній мусульманинъ сталъ задумываться надъ истребленіемъ ка-кихънибудь двухъ сотъ тысячъ негодныхъ хивинцевъ? Знаете ли вы, что дѣло мусульманства никогда, никогда еще не преуспѣвало столько, какъ въ настоящую пору? Знаете ли вы, что число мусульманъ на лицѣ земли возрастаетъ, слава Аллаху, многими миліонами ежегодно, такъ что лѣтъ черезъ десятокъ придемъ мы, *иншалла*хъ, въ возможность обратиться въ на-

родамъ Еврейны съ извѣстнымъ предложеніемъ: или примите Исламъ, или покори-тесь намъ въ качествѣ подданныхъ, или будете истреблены. Не знаете, такъ прочитайте объ этомъ хоть въ «Вѣстникѣ Европы»: тамъ недавно статейку по сему предмету тиснули. И при такомъ-то торжествѣ Ислама, считать во что нибудь существованіе двухъ сотъ тысячъ хивинскихъ головы! О, европейцы!

Но, зная евреевъ сколько я ихъ знаю, я увѣренъ, что какъ ни просятъ они, въ молитвахъ своихъ, въ Палестину, а переселиться на хивинскій оазисъ, который все же лучше Палестины, захотятъ столь же мало, сколь мало желаю я ханство-вать тамъ. Одна мысль объ этомъ приведетъ ихъ въ ужасъ. Изъ кого станутъ они тамъ собою выжимать, надъ кѣмъ будутъ господствовать, притворяясь обиженными и гонимыми? Поэтому, лишь только предложеніе мое румынскому правительству сдѣлается извѣстнымъ въ Европѣ, какъ всѣ еврейскія общины въ ней завопятъ *вей міръ, вей міръ*, и рѣшатъ произвести общую складчину съ цѣлю поднести мнѣ колоссальную взятку, чтобы только не давалъ я дальнѣйшаго хода переговорамъ о связанномъ предложеніи. Для такой цѣли даже еврейки продадутъ жемчугъ съ головныхъ повязокъ своихъ, какъ было это, когда, по велижскому дѣлу, понадобилась кругленькая сумма для извѣстнаго употребленія.

Такимъ образомъ, приметъ румынское правительство мое предложеніе или не приметъ, во всякомъ случаѣ получу я сумму, достаточную для снаряженія войска въ походъ на Хиву и вообще для издержекъ по осуществленію мести моей хивинцамъ.

Ну, которому же изъ двухъ изложенныхъ проектовъ моихъ отдадите вы преимущество, иудѣйскому или еврейскому? Только, пожалуйста, рѣшайте скорѣе и о рѣшеніи вашемъ извѣстите меня по городскому телеграфу, чтобы я могъ приступить къ дѣлу не теряя времени.

Султанъ Мендани Пираліевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА»

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ:

О томъ, какъ сформирую я себѣ войско для похода на Хиву.

Оба проекта мои, какъ индѣйскій, такъ и еврейскій, вы забраковали, назвали фантастическими. Вы огорчили меня. Но я скоро утѣшился мыслию, что «нѣсть пророкъ во отечествѣ своемъ», что геніальныя вещи не оцѣниваются современниками по достоинству. А какъ я рѣшился добыть денегъ во что бы то ни стало, то прибѣгаю для этого къ самому пошлomu средству — закладываю за полтора миліона р. сер. ту долину, гдѣ зимуютъ стада мои. Дадутъ мнѣ подъ закладъ ея такую сумму потому, что по рѣчкѣ, долину эту орошающей, открыты богатѣйшія золотоносныя залежи. По окончаніи похода моего на Хиву, я самъ займусь ихъ разработкою и буду получать ежегодно доходу уже не 1,500 р. сер., а 300,000 р. сер. Прошу соразмѣрять съ этою суммою уваженіе ваше къ моей особѣ и то искреннее расположеніе, которое вы мнѣ оказываете.

Теперь поведу рѣчь о наборѣ войска и вообще приготовленіяхъ къ предстоящему походу. Идетъ слухъ, что у васъ въ редакціи засѣли первѣйшіе знатоки военнаго дѣла. Поэтому, хотя вы разъ уже и огорчили меня, снова обращаюсь къ вамъ съ просьбою: сообщить мнѣ замѣчанія ваши на слѣдующія соображенія.

Сколько мнѣ извѣстны оборонительныя и наступательныя средства хивинскаго ханства, и вообще ресурсы его всякаго рода, я полагаю, что для завоеванія его, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вполне достаточно 2,500 человекъ европейскаго войска. Основываю я такое мнѣніе свое, между прочимъ, на двухъ фактахъ. Въ 1603 или 1604 году, пришла фантазія уральскимъ казакамъ, именовавшимся тогда лицкими (по рѣчкѣ

Ярку, которой приказано было называться Ураломъ лишь при Екатеринѣ второй), потѣшиться разграбленіемъ Хивы, и они овладѣли ею, пустившись въ походъ всего въ числѣ *тысячи* человекъ. Это извѣстно изъ «Турецкаго Древа» Абульгази, при отцѣ котораго совершенъ былъ этотъ смѣлый набѣгъ. Правда, уральцевъ и выпроводили затѣмъ изъ Хивы, такъ что, связываетъ Абульгази, никто изъ участвовавшихъ въ набѣгѣ не вернулся домой; но такая оказія случилась — гласитъ преданіе, и теперь еще живущее между уральцами — потому собственно, что, забравшись въ Хиву, которая имъ Капую показалась, пьянствовали они тамъ, забывъ всякую осторожность, и черезчуръ предавались нѣжностямъ съ хивинками: тѣ ихъ, какъ Давида Самсона, усыпили въ своихъ объятіяхъ, а мужья нагрянули между тѣмъ и переколотили мертвецки пьяныхъ селадоновъ. Эта исторія весьма поучительная, и я удивляюсь, какъ не попала она въ христоматію для дѣвицъ. — Теперь другой фактъ, имѣвшій мѣсто черезъ два съ половиною вѣка послѣ описаннаго. Въ 1858 году туркмены провозгласили ханомъ въ Кунградѣ Мухаммедъ-Пенага, потомка прежнихъ удѣльныхъ князей этого города. Въ 1859 году пришелъ осаждать его со всѣми, какія могъ собрать, военными силами своего владѣнія, ханъ хивинскій Сейидъ-Мухаммедъ. Кунградскому хану, принявшему подданство Россіи, послана была на помощь *одна рота* пѣхоты. Когда эта послѣдняя стала приближаться къ Кунграду по Аму-Дарьѣ, на баржахъ, Сейидъ-Мухаммедъ снялъ осаду и пошелъ на встрѣчу русскимъ. У него было въ это время болѣе десяти тысячъ войска (то-есть всякой сволочи) да нѣсколько пушекъ. И что же, истребилъ онъ бѣдную русскую роту? Нисколько. Встрѣтившись съ русскими, которые притомъ стали на мель и двинуться съ мѣста не могли, онъ тоже остановился, постоялъ-постоялъ,

погля
т. е.
рожал
градъ
этомъ
«кунг
нихъ
редак
го си
Кои
ратък
русск
европ
хивин
ханъ
лѣе
подъ
вѣкъ;
какъ
тораг
ла, въ
съ ка
Ар
лине
штык
валер
изъ
оруді
кажд
пѣше
слуги
сапер
итого
офиц
оберт
ютан
чахъ
соста
Н
соста
хото
рист
преп
бѣгу
рію
нѣйл
удач

поглядѣлъ-поглядѣлъ, да и вернулся вспять т. е. не то чтобы бѣжалъ, а такъ, ретировался въ Хиву, оставивъ дорогу въ Кунградъ свободною. Мнѣ рассказывали объ этомъ сами участники такъ-называемой «кунградской экспедиціи». Одного изъ нихъ имѣлъ я честь встрѣчать даже въ редакціи «Русскаго Мира». Можете у него справиться, такъ ли было дѣло.

Когда ханъ хивинскій со всею своею ратью побоялся напасть на 250 человекъ русскихъ, то, воля ваша, 2,500 человекъ европейскаго войска должны разгромить хивинскія силы, если бы даже собралъ ханъ подъ знамена свои въ-десятеро больше народу, чѣмъ было въ лагерѣ его подъ Кунградомъ, т. е. до 100,000 человекъ; но это на столько же возможно, какъ и то, чтобы князь Монакскій, у котораго всего 7,000 подданныхъ обоого пола, выставилъ армію въ 2,500 человекъ — съ какою я пойду на Хиву.

Армію эту составляю я изъ шести ротъ линейной пѣхоты, силою каждая въ 250 штыковъ; изъ четырехъ эскадроновъ кавалеріи, по 120 человекъ въ каждомъ; изъ батарей конной артиллеріи въ восемь орудій, съ 17 человекъ прислуги при каждомъ; изъ двухъ батарейныхъ орудій пѣшей артиллеріи, съ 24 человекъ прислуги при нихъ; и, наконецъ, изъ роты саперовъ и піонеровъ, въ 220 человекъ; итого — изъ 2,360 рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, при 60 строевыхъ штабъ и оберъ-офицерахъ (въ томъ числѣ и адъютанты) и 80 барабанщикахъ, трубочахъ, флейщикахъ и горнистахъ, — что и составитъ ровно 2,500 человекъ.

Нѣсколько словъ въ объясненіе этого состава. Кавалеріи, сравнительно съ пѣхотою, беру я много: по одному кавалеристу на три пѣхотинца; но это потому, преимущественно, чтобы было кѣмъ гнать бѣгущаго непріятеля; конную же артиллерию предпочитаю я пѣшей потому, главнѣйше, что, въ случаѣ какой-либо неудачи, сама она можетъ удирать отъ не-

пріятеля быстрѣе пѣшей. При томъ маломъ числѣ артиллеріи, которое беру я съ собою, нельзя мнѣ бросать орудій въ добычу непріятелю, утѣшаясь тѣмъ, что брошу ихъ заклепанными. Осадной артиллеріи не нужно мнѣ вовсе, потому что осаждать нечего, да и не намѣренъ я забавляться правильными осадами, если бы и было что осаждать. Саперами и піонерами запасаясь въ значительномъ количествѣ не для осадныхъ работъ, а для работъ при переправахъ черезъ многочисленные каналы и безчисленные банавки въ ханствѣ, но больше потому, что нужны мнѣ отчаянные головорѣзы, а извѣстно что

Rien n'est sacré pour un sapeur.

Иные будутъ находить, пожалуй, что число офицеровъ у меня недостаточно противу числа рядовыхъ; но не забывайте, что войско у меня наемное, а содержаніе офицеровъ — статья разорительная. Недостаточность офицерскаго состава постараюсь я замѣнить хорошимъ выборомъ унтеръ-офицеровъ. Замѣьте притомъ, что въ арміи моей не будетъ ни одного офицера генеральнаго штаба: я считаю ихъ совершенно бесполезными. Таково уже мое убѣжденіе, и личнымъ опытомъ выработанное, и отъ предковъ унаслѣдованное. Считаю я офицеровъ генеральнаго штаба такою же излишнею обузою, какъ и конгревовы ракеты: перетрусутся въ дальнемъ степномъ походѣ и летятъ чортъ знаетъ куда, только не туда, куда надо. Музыкаю снабжаю мою армію, какъ потому, что развлекаетъ и ободряетъ солдатъ при монотонности степнаго похода, такъ и для того, чтобы сдѣлать побѣдоносное вступленіе мое въ Хиву возможно-торжественнымъ.

Что касается до вооруженія, то пѣхоту вооружу я не какими либо хитрыми и деликатными новѣйшихъ изобрѣтеній ружьями, въ которыхъ коли винтикъ какой сломается, такъ и все ружье бросай, или патронъ на волосъ толще положеннаго, такъ

Воор
церал
рымт
какъ
Если
игол
ми,
жела
цевъ
кимъ
такъ
стве
рево
залъ
кото
нять
чите
Кром
хоти
чтоб
какъ
еще,
нымъ
всяку
Личе
и ес
пѣхо
дамы
за ч
пооп
быть
прос
гизц
Арти
кава
топо
съ
Стра
беру
товъ
бы
мѣ
пуга
По
рода
руба

ма- таѣ ужъ и не лѣзетъ въ казенникъ.
и съ Вооружу я ее простыми нарѣзными шту-
до- церами со штыкомъ, патроны къ кото-
что рымъ изготовлять будутъ сами солдаты,
рти- какъ бывало въ старое доброе время.
что Если хивинцы противустанутъ мнѣ съ
за- игольчатыми или какими другими ружья-
и бы ми, которыми одолжать ихъ мои недобро-
оне- желатели, тѣмъ хуже будетъ для хивин-
оли- цевъ, потому что они пропадутъ съ та-
для кимъ не по разуму ихъ оружіемъ. Не то,
очи- такъ снабжу я пѣхоту мою ружьями соб-
авки ственнаго моего изобрѣтенія — ружьями-
нуж- револьверами, образчики которыхъ зака-
зѣст- залъ уже я въ Бельгій, и объ устройствѣ
которыхъ считаю убыточнымъ распростра-
наться, такъ какъ ходатайствую объ исклю-
что чительной привилегіи на это изобрѣтеніе.
очно Кромѣ ружья со штыкомъ, не дамъ я пѣ-
айте, хотинцамъ моимъ никакого другаго оружія,
каніе чтобъ не отягощало ихъ бесполезно. Или,
недо- какъ вы думаете, не снабдить ли ихъ
оста- еще, по примѣру американцевъ, длин-
ромъ нымъ кухоннымъ ножомъ, который на
омъ, всякую потребу можетъ пригодиться?
дно- Лично противу ножа я ничего не имѣю,
итаю и если вы тоже за ножъ, такъ будутъ у
о уже пѣхотинцевъ моихъ и ножи. Кавалеристамъ
ь вы дамъ я револьверы и пашки. Пикъ — ни
ован- за что: длинное оружіе — оружіе трусовъ,
ьнаго поощряющее къ трусости. Позвольте мнѣ
акъ и быть компетентнымъ судьей въ этомъ во-
даль- просѣ, такъ какъ я киргизецъ, а у кир-
чортъ гизцевъ самыя длинныя въ мірѣ копыя.
надо. Артилеристовъ вооружаю одинаково съ
ь по- кавалеристами; саперовъ — револьверами и
лдать топорами, русскими плотничьими топорами
такъ съ короткимъ изогнутымъ топорикомъ.
осное Страшно уважаю такой топоръ. Орудія
орже- беру: восемь 4-фунтовыхъ и два 12-фун-
пѣхоту товыхъ; послѣднія — отчасти для того, что-
и де- бы разбивать городскія ворота при штур-
ужья- мѣ городовъ, но больше для того, чтобы
ой сло- пугать непріятеля громомъ выстрѣловъ.
и, или По части обмундированія, даю всѣмъ
ннаго, родамъ войска одинъ и тотъ же костюмъ:
рубашку изъ шертинга; широкіе шарова-

ры изъ плотнѣйшей парусины, съ глубо-
чайшими карманами, куда бы могъ за-
нуть солдатъ все что ему нужно имѣть
подъ рукою; суконную поддевку (т. е.
кафтанъ безъ рукавовъ) до колѣнъ, тоже
съ карманами напередѣ: рукава въ одеж-
дѣ считаю я помѣхою, препятствующею
владѣть руками съ надлежащею свободою;
въ-заключеніе, даю бурку съ прорѣзами
ниже плечъ, чтобы, просунувъ руки въ
эти прорѣзы, можно было стянуть ее око-
ло пояса плотно къ тѣлу и обратить такъ-
сказать въ капоть: на этотъ случай
дается при буркѣ и кушакъ, длинный
русскій мужицкій кушакъ, который мо-
жетъ служить, кромѣ этой, и на многія
другіе потребности. Въ буркѣ или въ одной
поддевкѣ идетъ пѣхотинецъ, ружье, въ
чехлѣ, должно висѣть у него на перевя-
зи сзади спины; такъ легче его носить. На
другой перевязи, на-крестъ съ первою —
патронташъ. Ранцовъ — никакихъ: беспо-
лезная тягость. Сапоги — высокіе по ко-
лѣно, а для ступней — портянки, а не но-
ски. Шаровары засовываются въ сапоги.
На голову — папаху, которая зимою грѣетъ,
въ лѣтній жаръ защищаетъ отъ солнеч-
ныхъ лучей, ночью служитъ подушкою
столь же удобно, какъ бурка одѣяломъ и
подстилкою, а противъ сабельнаго удара
защитаетъ надежнѣе всякой кожи и ла-
туни.

Боевая сила моя вооружена, одѣта и
обута. О нестроевыхъ и обозѣ поведу рѣчь
позже. Теперь же надо сказать вамъ,
какъ на вербую я строевой составъ, что
требуетъ глубокихъ соображеній, и въ
чемъ преимущественно проявлю я основа-
тельное мое знакомство съ новоизобрѣ-
тенною нѣмцами наукою — «Психологією
Народовъ», *Völkerpsychologie*.

Въ доброе старое время я бы просто-
на-просто купилъ солдатъ, и очень хоро-
шихъ, именно — гессенцевъ, которыхъ гер-
цоги ихъ продавали и въ-раздробь, и
цѣлыми полками. Но, увы, въ нашъ вѣкъ
этого товару нѣтъ уже на европейскихъ

хъ, и приходится солдатъ нани-
мать. Самые дешевые нынѣ солдаты —
швейцарцы. Съ тѣхъ поръ, какъ па-
ша распустилъ свою гвардію, состо-
явшую изъ этихъ республиканцевъ, от-
ставные гвардейцы папскіе волкомъ во-
ютъ съ голоду, и пойдутъ на службу ко
мнѣ безо всякихъ претензій, просто изъ-
за куска хлѣба. Швейцарцы и составятъ
почти всю мою пѣхоту. Скажутъ, пожа-
луй, что на стойкость такой пѣхоты не
очень можно положиться, такъ какъ она
съ другимъ непріятелемъ, кромѣ гарибаль-
дійцевъ, отродясь не схватывалась, а гарি-
бальдійцы — «не тово». Я и самъ думаю,
что гарибальдійцы «не тово», но въ то
же время полагаю, что и хивинское му-
жество не высшей пробы противу гари-
бальдійскаго геройства. Во всякомъ слу-
чаѣ, для приданія пѣхотѣ моей воинска-
го духа, подмѣшаю я къ швейцарцамъ
порядочную дозу поляковъ, которые, хотя
и «безмозглы», но, надо отдать имъ
справедливость, воюютъ добрее; а поляковъ,
изъ эмигрантовъ, могу я въ той же Швей-
царіи нанять сколько душъ моей угодно,
и тоже на мѣдные гроши; а то, пожа-
луй, и даромъ пойдутъ ко мнѣ служить,
только бы подраться имѣть случай; я же,
въ прибавокъ, позволю имъ орать: «Еще
Польша не сгинѣла», и на маршѣ, и на
привалахъ. Унтеръ-офицеровъ желательно
было бы пріобрѣсти преимущество изъ нѣм-
цевъ: очень ужъ достоинствомъ своимъ
проникнуты у нихъ унтеръ-офицеры, а
такихъ мнѣ и подавай; на этомъ проник-
новеніи, сказываютъ, все военное дѣло
нынче держится, да на грамотности, да
на образованіи: зналъ бы солдатъ по-ла-
тшши, а офицеръ по-санскритски, такъ
ужъ съ такимъ воинами побѣда въ пля-
цѣ. Но какъ добыть нѣмцевъ? Въ наймы
не пойдутъ, нынѣ цѣны на работу стоятъ
въ Нѣмціи высокія. Украсть развѣ? Укра-
ду — за изобрѣтательностію у меня дѣло
не станетъ — именно вотъ какимъ спосо-
бомъ. Объявлю въ газетахъ, что основы-

ваю въ Хивѣ университетъ и десять ги-
мназій, професоровъ и учителей въ кото-
рыя приглашаю изъ Германіи съ обща-
ніемъ большаго жалованья и пенсій по-
слѣ пяти лѣтъ службы. На эту удочку нѣм-
цы податливы, и всѣ плохіе профессора и
дрянные учителя, какихъ между ними не
мало, потянутся на сборное мѣсто моей
арміи. А я ихъ тамъ сейчасъ и зачислю
унтеръ-офицерами. Пусть украденные
мною такимъ образомъ нѣмцы были пло-
хими профессорами и дрянными учителя-
ми, зато унтеръ-офицерами будутъ они
превосходными, ибо всѣ служили уже въ
рядахъ первѣйшей въ мірѣ арміи,
въ качествѣ ландвера побивали храбрѣй-
шую въ мірѣ націю, и притомъ всѣ до
единого знаютъ по-латшши, а нѣкоторые
и по-гречески: послѣднихъ произведу я
немедленно въ фельдфебеля. Что ка-
сается до вѣрности этихъ краденныхъ
нѣмцевъ моему знамени, то, во-первыхъ,
кто же и кричитъ про deutsche Treue,
какъ не сами нѣмцы, а потомъ — воровать
солдатъ было недавно еще въ обычаѣ
у самыхъ мудрыхъ правителей, и солда-
ты выходили отличнѣйшіе: дрались какъ
львы противъ кого угодно и за что угодно.

Въ кавалеріи моей ни гусаровъ, ни
улановъ не будетъ, хотя гусары славны
издревле, а уланы покрыли себя лавра-
ми въ послѣднее время. Три изъ четы-
рехъ моихъ эскадроновъ будутъ драгун-
скіе. Драгуны — слабость моя, моя ахиле-
сова пятка. Смерть люблю драгуновъ, —
люблю потому, что они народъ скромный,
честный, простодушный, и, главное, по-
тому, что они пѣхотинцы столь же, какъ
и кавалеристы. Не знаю, почему съ име-
немъ драгуна соединяется у меня нераз-
рывно представленіе о шведѣ. Можетъ
быть потому, что я читалъ много въ юно-
сти о войнахъ Петра Великаго съ Кар-
ломъ XII. Во всякомъ случаѣ, драгуновъ
найму я себѣ изъ шведовъ, изъ тѣхъ
именно шведовъ, которые, прельстясь мор-
монскою проповѣдью, такъ и прутъ въ

Съвер
почес
ленаг
Дарь
десят
Четве
самой
цу мо
ко м
ским
поств
умѣн
дале
зиков
кажд
стом
оруді
и для
го со
неже
какъ
мнѣ
лада
свой
Ве
арти
го, д
Сам
испа
лист
чест
не з
латъ
мая
В
раск
ветс
явит
пото
ков
такъ
дист
прот
М
жид
щаг
муз

Сѣверную Америку. Я заставляю ихъ предпочесть берега Аму-Дарьи берегамъ Соленаго озера — обѣщаніемъ, что на Аму-Дарьѣ снабжу каждого драгуна, даромъ, десятью женами изъ плѣнныхъ хивинцевъ. Четвертый эскадронъ формирую, уже на самой дорогѣ въ Хиву, изъ милыхъ сердцу моему киргизовъ, которые пристанутъ ко мнѣ въ надеждѣ поживиться хивинскимъ отрепьемъ. По способности къ аванпостной службѣ, по выносливости и по умѣнью ограбить до-чиста, ставлю я ихъ далеко выше казаковъ. Коня отъ киргизовъ моихъ я отберу, а велю чтобы каждый запасся «укрюкомъ», то-есть шестомъ съ веревкою для ловли лошадей, — орудіемъ которое отлично будетъ служить и для ловли хивинцевъ, — да нагайкою того сорта, которою легче убить человѣка, нежели тесакомъ. Киргизская нагайка, какъ увидите впоследствии, сослужитъ мнѣ тысячу полезныхъ службъ, ибо обладаетъ множествомъ благодѣтельныхъ свойствъ.

Вертопрахъ, признаю, не можетъ быть артилеристомъ. Артилеристъ, прежде всего, долженъ быть человѣкомъ серьезнымъ. Самый серьезный народъ въ Европѣ — испанцы. Набираю артилеристовъ изъ карлистовъ, которые, будучи разсѣяны соотечественниками своими, республиканцами, не знаютъ теперь что имъ съ собою дѣлать. Такимъ образомъ будетъ у меня самая серьезная въ Европѣ артилерія.

Въ саперы приглашаю буковинскихъ раскольниковъ-россіянъ, которымъ не живется теперь въ Австріи. Они должны явить собою отличныхъ саперовъ, какъ потому, что, въ качествѣ русскихъ мужиковъ, должны владѣть топоромъ на-славу, такъ и потому, что бороды у нихъ окладистыя, точно у французскихъ саперовъ — прототипа этого рода войскъ.

Музыку набираю изъ странствующихъ жидовъ-музыкантовъ, племена отличающагося, какъ всѣмъ извѣстно, огромными музыкальными способностями. Идти въ

военную службу соглашу я ихъ обѣщаніемъ, что позволю имъ, въ свободное отъ музыкальныхъ занятій время, производить въ лагерѣ «гандель». Перспектива «ганделя» дѣйствуетъ на сердце жиды такъ же неотразимо, какъ перспектива «выпивки» на сердце истиннаго россіанина.

Лошадьми кавалерію мою и артилерію снабжу я, сходнымъ образомъ, въ продолженіе слѣдованія арміи моей черезъ Россію, при помощи отечественныхъ конокрадовъ, съ которыми войду въ сношенія черезъ моихъ музыкантовъ. Какъ это у меня все обдумано и вяжется одно съ другимъ!

Надѣюсь, что я составилъ мою боевую силу вполне удовлетворительно и согласно съ натурою вещей, что будетъ она у меня и дешева, и сердита. Надо сказать затѣмъ нѣсколько словъ и объ источникахъ, откуда почерпну я нестройной балласть.

Хлѣбъ печь, кашу варить — бабье дѣло искони вѣковъ. Потому хлѣбопеками и кашеварами пристраиваю я въ войско моихъ бабенокъ изъ подмосковныхъ губерній которымъ не изъ чего дома ни печь, ни варить, ибо мужья ихъ весь хлѣбъ и всю крупу давно уже и безъ всякаго остатка снесли въ кабаки.

Въ медики и хирурги ангажирую я россійскихъ дѣвицъ, обучающихся нынѣ въ цюрихскомъ университетѣ. Онѣ еще не кончили полнаго курса, но зато имъ уже надобно учиться. Притомъ, ради военныхъ обстоятельствъ, вѣдь и медицинскихъ студентовъ тащутъ въ армію съ третьяго, съ четвертаго курса. Означенною мѣрою приобрѣту я сочувствіе всѣхъ прогрессивныхъ органовъ русской печати, и отпустятъ они мнѣ за эту мѣру всѣ выходки мои противу нигилизма въ предшествующихъ письмахъ, а впредь постараюсь отъ такихъ выходокъ остерегаться.

Дружить съ прогресомъ, такъ ужъ дружить. Предоставляю въ пользу стриженныхъ переводчицъ разныхъ сгорѣвшихъ,

по независящимъ обстоятельствамъ, трудовъ ихъ — немногія писарскія ваканціи въ моей арміи, изъявляя сожалѣніе, что не могу служить имъ бѣльшимъ числомъ таковыхъ, ибо всякое писарство, не только военное, но и гражданское, ненавижу.

Не оставлю безъ соотвѣтственнаго призрачія и ту часть русскаго юношества, которая сгорала любовью къ человечеству въ редакціяхъ разныхъ прекратившихся изданіемъ газетокъ и не знаетъ теперь куда изливать свой пламень. Отрадѣю таковыхъ юношей въ сестры милосердія, и вообще составляю изъ нихъ лазаретную прислугу.

Кузнецовъ и коноваловъ добуду изъ цыганъ; всю же остальную нестроевую челядь: фурмановъ, профосовъ и такъ далѣе, наберу изъ тѣхъ русскіхъ, которые эмигрируютъ тайно въ Америку, чтобы отыскать тамъ средства къ бѣдственному существованію тяжелыми работами (зри «Бѣсовъ» Достоевскаго), заверяя ихъ султанскимъ словомъ моимъ, что употребляю всѣ усилія, чтобы сдѣлать существованіе ихъ, въ продолженіе похода, по возможности невыносимымъ.

Общее завѣдываніе провіантскою и комисаріатскою частями въ моей арміи приглашаю занять г. надворнаго совѣтника и кавалера Порфирія Усѣкновскаго (см. № 58 «Русскаго Міра»), такъ какъ онъ любитъ «времена жестока и начальство сердитое», а я намѣренъ вѣшать безъ всякаго суда чиновниковъ моихъ провіантскихъ и комисаріатскихъ по первому поползновенію ихъ къ мошенничеству.

Батюшки мои! А о военно-судной-то части и забылъ. Какъ же можно воевать нынѣ, не имѣя въ лагерѣ специальныхъ военныхъ юристовъ? Такъ воевали только въ глупое старое время необразованные Суворовы и Кутузовы. Но откуда же возьму я такихъ юристовъ? Въ Западной Европѣ ихъ не имѣется, а я оттуда вербую свою армію. Поручить развѣ исправленіе обязанности военныхъ юристовъ — переводчи-

цамъ датскихъ сказокъ Андерсена? Превосходная мысль. Никто и никогда еще не предоставлялъ женщинамъ судебной власти. Я первый дѣлаю этотъ великій шагъ на пути прогресса. Трепещите мои завистники и враги: все женское населеніе Россіи и Америки пойдетъ за меня въ огонь и воду. И опять забылъ. Не надо переводчицъ Андерсена; и безъ нихъ у насъ теперь женщинъ-юристовъ прудъ-пруди: не даромъ же вѣдь всю прошлую зиму профессора петербургскаго университета читали публично, для дамъ и дѣвицъ, курсы государственнаго и уголовного права. Чтобы докончить юридическое образованіе нашего прекраснаго пола и приспособить его къ специальнымъ моимъ цѣлямъ, я самъ общалъ прочесть въ текущемъ посту, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, нѣсколько лекцій «О военной полиціи по Чингисъ-хану и Тамерлану», и если не прочесть, то единственно по причинѣ замедленія въ выборѣ городского головы, какъ о томъ и объявлено, кажется, въ газетахъ.

Главнокомандующимъ арміею, мною снаряженною, назначаю я, съ производствомъ изъ штабсъ-капитановъ прямо въ генералъ-майоры — себя самого. Никакого другаго генерала ъ бокъ со мною я не потерплю. Пѣхотою будетъ командовать у меня полковникъ, артилеріей — тоже полковникъ, кавалеріею — майоръ, и все это безъ малѣйшей надежды на производство въ слѣдующіе чины, что возстановитъ противъ меня честолюбивыхъ поляковъ, намѣреющихся каждый сдѣлаться генераломъ. Но я умиротворю ихъ дозволеніемъ титуловаться каждому графомъ.

Засимъ, въ ожиданіи замѣчаній вашихъ на изложенныя въ этомъ письмѣ соображенія, честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Султанъ Мендали Цираліевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА»

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

О томъ, какъ проведу я войско мое на сборный пунктъ, какою дорогою пойду на Хиву, и что напишу къ хану хивинскому и туременскимъ старшинамъ.

Вы были такъ любезны, что не поскупились замѣчаніями на изложенныя мною въ предшествующемъ письмѣ соображенія относительно состава, вооруженія, обмундированія и набора военной силы, нужной мнѣ для завоеванія хивинскаго ханства. Вы не согласны со мною во множествѣ пунктовъ. Я этого ожидалъ. Иначе и не могло быть при своеобразности моихъ понятій о предметѣ и, если позволите такъ выразиться, при рутинности вашихъ. Нигдѣ, быть можетъ, рутинна не господствуетъ до сихъ поръ такъ всевластно, какъ въ военномъ дѣлѣ да въ медицинѣ, хотя военные люди и медики все этого не замѣчаютъ. Чтобы видѣть это ясно, надо быть азіатцемъ, какъ я. Въ древности и въ средніе вѣка, Азія дала Европѣ все чѣмъ возвеличилась впоследствии Европа—азбуку, мѣру и вѣсъ, стекло, порохъ, компасъ, книгопечатаніе. Но роль Азіи въ образованіи человѣчества еще не кончилась. Она дастъ еще Европѣ многое «о чемъ и не снилось вашимъ философамъ». Не хочу сказать, по свойственной мнѣ скромности, что въ этомъ меду будетъ и моя капля, но про себя утѣшаюсь такою мыслию. Впрочемъ, тѣми изъ замѣчаній вашихъ, основательность которыхъ признаю, я воспользуюсь и для цѣлей моихъ не разъ еще обращаюсь къ вамъ съ запросами.

Одно изъ правилъ практической мудрости, рекомендуемыхъ азіатскими стратегами, это — нападать на непріятеля врасплохъ, не давая ему времени приготовиться къ оборонѣ, для чего ни коннымъ образомъ не слѣдуетъ трезвонить заранѣе о своихъ противу него замыслахъ.

Наборъ мною войска въ западной Европѣ, конечно, не можетъ быть сдѣланъ тайно: затараторятъ о такомъ небываломъ событіи во всѣхъ газетахъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Но это мнѣ не помѣха, такъ какъ европейскіе толки не доходятъ до Хивы. Но весьма доходятъ до Хивы вѣсти съ нижегородской ярмарки. Потому, весьма важно для меня, чтобы не заговорили о предпріятіи моемъ у Макарія (какъ зовутъ азіатцы, по старой памяти, нижегородскую ярмарку), а это случится непременно, если я, получивъ разрѣшеніе провести войско мое черезъ Алаунскую Плоскость, сдѣлаю это явно и открыто. Успѣхъ задуманнаго мною дѣла требуетъ, чтобы войско свое провелъ я черезъ Алаунскую плоскую высь—секретнымъ образомъ, и я нимало не затрудняюсь такою, невозможною повидимому, операціею. На сборный пунктъ, о которомъ сказано будетъ ниже, проведу и проведу я строевыхъ и пестроевыхъ моихъ, по одиночкѣ или кучками, подъ разными видами. Еврейскую музыку мою процѣжу я сквозь Великороссію подъ видомъ винокуровъ, допускаемыхъ туда на основаніе непреложнаго убѣжденія, что винокуранный заводъ не можетъ дѣйствовать безъ посредства жида, какъ и мельница безъ помощи чорта. Испанцы — вслкой мальчишъ и всякая дѣвочка, которые бывали въ театрахъ, знаютъ это—ходятъ не иначе, какъ въ беретѣ со страусовымъ перомъ и панталонахъ въ обтяжку: поэтому испанскихъ артиллеристовъ моихъ, возбуждая подозрѣнія относительно ихъ настоящаго значенія, проведу я подъ видомъ акробатовъ и вольтижеровъ. Швейцарская пѣхота моя проберется благополучно подъ видомъ сыроваровъ и гувернеровъ, а польская — подъ видомъ кондукторовъ для желѣзныхъ дорогъ и шляхтичей, ѣдущихъ арендовать имѣнія у промотавшихся русскихъ землевладѣльцевъ. Кавалеристы мои шведы пройдутъ подъ видомъ чеховъ, выписанныхъ русскими

барами
зийства,
вѣкъ о
рышми,
прѣдут
Кенигсб
полнені
боды,
значені
хивинци
Профес
щіе из
белѣй
ѣдутъ
ствени
и мои
ибо из
ствоват
же ком
надоби
изготов
станет
те, не
на вск
своимъ
по и а
изъ не
стовъ,
челяде
уже на
на сбо
и учит
ляющі
бу дл
слише
для то
умѣю
въ уч
свѣтъ
земст
обрем
на на
срокъ
толик
цевъ?
Не
этимъ

барамы для улучшенія ихъ сельскаго хозяйства, ибо какой же русскій чело-вѣкъ отличить чеха отъ шведа? Барышны, медики-хирурги моей арміи пройдутъ подъ видомъ транспорта изъ Кенигсберга, направляющагося для пополненія комплекта Кунавинской слободы, и не усомнятся въ такомъ назначеніи медицинскаго штата моего самихивинцы, если встрѣтятъ его дорогою. Профессора и учителя изъ нѣмцевъ, имѣющіе изобразить въ арміи моей фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, такъ и пройдутъ подъ видомъ нѣмцевъ. Подъ собственнымъ же видомъ своимъ пройдутъ и мои саперы-раскольники изъ Буковины, ибо издавна приобрѣли способность странствовать по Руси безъ паспортовъ. Если же кому либо изъ наемниковъ моихъ понадобились бы фальшивые паспорта, за изготовленіемъ таковыхъ дѣло у меня не станетъ: поляковъ-эмигрантовъ, вы знаете, не мало будетъ въ моей арміи, а они на всю Европу прославились искусствомъ своимъ поддѣлывать не только паспорта, но и асигнаціи. Наконецъ, писаря мои изъ нигилистовъ и сидѣлки изъ нигилистовъ, равно какъ и вся прочая обозная челядь, имѣющая быть на вербованною уже на Алаунской Плоскости, прослѣдуетъ на сборный пунктъ подъ видомъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, отправляющихся на съѣздъ таковыхъ въ Дубовку для рѣшенія земскаго вопроса: не слишкомъ ли много четырехъ лѣтъ ученія для того, чтобы крестьянскій мальчикъ, умѣющій только читать и писать, прошелъ въ учительской семинаріи всѣ науки въ свѣтъ — какъ хочетъ этого симбирское земство — и не возможно ли, въ виду обременительности для земства расходовъ на народное образованіе, сократить этотъ срокъ и обучить всѣмъ наукамъ, какія только существуютъ — въ шесть мѣсяцевъ?

Не знаю, какъ справится съѣздъ съ этимъ вопросомъ, я же увѣренъ, что вы-

шеописаннымъ образомъ переправлю войско мое черезъ Алаунскую Плоскость такъ, что ни чей аргусовъ глазъ этого не замѣтитъ. Такимъ же образомъ и пушки мои, и ружья пройдутъ, разобранныя на части, подъ видомъ какихъ либо новыхъ снарядовъ для измѣренія крепости спирта или колосальныхъ гальваническихъ батарей для физическаго кабинета астраханскаго университета. Этого университета еще не существуетъ, какъ не существуетъ и полоцкаго; но кому же извѣстно, что не производится переписки объ ихъ открытіи, и не снабжаются уже они надлежащими учеными пособіями? Что же касается до способа провозить порохъ незамѣтнымъ образомъ, то онъ давно уже открытъ сметливыми подрядчиками: провозятъ его подъ видомъ масла въ бочкахъ съ двойнымъ дномъ, какъ было это описано, лѣтъ тридцать тому, въ газетѣ «Кавказъ».

Сборный пунктъ, куда все это должно прибыть, можетъ быть опредѣленъ лишь по разсмотрѣніи путей, которые ведутъ къ Хивѣ, и оцѣнкѣ ихъ относительныхъ удобствъ и неудобствъ — чѣмъ я и займусь теперь.

Хивинскій оазисъ расположенъ природою такъ выгодно, что всѣ пути къ нему, изъ Россіи ли, изъ Персіи ли, изъ бухарскаго ли ханства, имѣютъ то общее свойство, что поѣдешь по одному — самъ пропадешь, конь останется цѣлъ; поѣдешь по другому — самъ останешься цѣлъ, конь пропадетъ; поѣдешь по прочимъ — и самъ пропадешь, и конь пропадетъ, какъ въ сказкахъ сказывается. Такова, по крайней мѣрѣ, идетъ слава объ этихъ путяхъ. Главное всѣхъ ихъ неудобство — бѣдны водою, не только хорошею, а даже скольконибудь годною для питья людямъ и скоту. Подножнаго корму тоже нѣтъ нигдѣ по этимъ путямъ. Встрѣчающимся мѣстами кустарникомъ можетъ питаться только неприхотливый верблюдъ. Тотъ же кустарникъ да сухой пометъ отъ про-

ходившимъ
нымъ
этихъ
лива
солнцемъ
для ча
скажу,
мирное
еще, х
нибудь
днть
чашкой
жестве
военно
стяхъ
избѣжа
ся отъ
солнце
томъ
въ рот
и лѣзе
бомъ
живот
его бѣ
ко же
бирает
грузом
не та
зносомъ
скахъ
воды
дать..
Пр
ва и
мовъ,
лучше
Из
идетъ
го бе
мыхъ
берег
мало
тощи
тахъ
му
вверх
Эмб

ходившаго скота служить и единственнымъ топливомъ, какое попадаетъ на этихъ печальныхъ путяхъ, а безъ топлива и подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ—ни пищи не сварить, ни воды для чаю не вскипятить. Скверно, я вамъ скажу, проѣзжать такими путями. Въ мирное время, торговый караванъ можетъ еще, хотя изрѣдка, наткнуться на какой-нибудь бѣдный кочевой аулъ и усладить горечь подобнаго странствованія чашкою дряннаго кумыса, который за божественный нектаръ покажется. Но въ военное время, кочевники въ окрестностяхъ дороги пребывающіе стараются, во избѣжаніе грабежа или поборовъ, убрать-ся отъ нел какъ можно подалѣе. Ѣдешь—солнце печетъ тебя невыносимо, самъ потомъ обливаешься, а глотка пересыхаетъ; въ ротъ, въ глаза, въ уши, въ носъ такъ и лѣзетъ топчащая пыль, густымъ клубомъ поднимающаяся за каждымъ шагомъ животного, на которомъ сидишь. Жаль и его бѣднаго: истомленное, жаждущее столько же какъ и всадникъ, оно еле-еле перебираетъ ноги, а ты давишь его еще всѣмъ грузомъ своего усталого тѣла. Въ пескахъ не такъ еще тошно, какъ на изсушенныхъ зноемъ влистыхъ солончакахъ: въ пескахъ можно еще хоть до какой-нибудь воды докопаться, хотя осоку зеленую увидеть...

При такомъ недостаткѣ воды и топлива и при совершенномъ отсутствіи кормовъ, чѣмъ меньше у васъ войска, тѣмъ лучше, ибо легче его провезти.

Изъ дорогъ къ хивинскому оазису, та что идетъ съ сѣвера, отъ Эмбы, около западнаго берега Аральскаго моря—одна изъ самыхъ тяжелыхъ, какъ потому, что высокій берегъ этотъ, совершенно голый, крайне маловоденъ, и за водою изъ нѣсколькихъ тощихъ источниковъ на крутыхъ его ска-тахъ къ морю надо спускаться къ са-мому берегу и оттуда тащить ее опять вверхъ, — такъ и по трудности пути отъ Эмбы, черезъ Барсуки, до Усть-Урта.

Другая дорога съ сѣвера, отъ Сыръ-Дарьи, изъ Казалинска, около восточнаго берега Аральскаго моря, проходима была до сихъ поръ лишь небольшими хивинскими караванами. Можно ли пробраться ею значительной массѣ людей и животныхъ, и не встрѣтятся ли тутъ, съ приближеніемъ къ Аму-Дарьѣ, непроходимыя болота—я не знаю.

Не говорю о пути въ Хиву съ востока, изъ Ташкента напримѣръ, такъ какъ для меня несподручно идти предвари-тельно на Ташкентъ, хотя бы оттуда до Хивы даже желѣзная дорога пролегла, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ по этому на-правленію, на памяти исторіи, ни одна душа не проходила.

Съ сѣвера, вполне удобно, вполне без-опасно было бы направиться на Хиву черезъ Аральское море, и затѣмъ, на су-дахъ, или частью сухопутьемъ, идти вверхъ по Аму-Дарьѣ вплоть до Гезараспа или Питняка. Такимъ образомъ и солдаты бы не утомились, и были бы всюду вода и топливо, и провозъ провіанта и снарядовъ обошелся бы дешево, и не подвергалось бы войско величайшей изъ опасностей степнымъ походомъ—отгону верблюдовъ и лошадей. Имѣй я воз-можность купить и доставить въ Каза-линскъ два парохода и нѣсколько баржъ, я бы не задумался проникнуть въ Хиву этимъ путемъ. Трудность тутъ одна и сравнительно неважная—перехватиться че-резъ боръ въ томъ или другомъ изъ устьевъ Аму-Дарьинской дельты; но при множествѣ рукъ преодолѣть эту труд-ность не мудрено. На устьѣ, которымъ бы вошелъ я въ Аму-Дарью, возвелъ бы я небольшое полевое укрѣпленіе, которое служило бы мнѣ складомъ провіанта и заа-совъ, и для охраненія его оставилъ бы роту пѣхоты. Баржи, на которыхъ поплыло бы войско мое далѣе вверхъ по Аму, снабдилъ бы я, для облегченія паро-хода, который потащить ихъ, веслами и, на случай встрѣчи мелей, баграми.

Изъ Гезарасна же или Питнека, овладѣніе которыми не представитъ ни малѣйшей трудности, осталось бы пройти до Хивы, сухопутьемъ, всего 60 или 80 верстъ. Да и засѣсть въ Гезараспѣ или Питнеѣ важнѣе для успѣха дѣла, нежели самую Хиву взять, такъ какъ, владѣя тѣмъ или другимъ изъ этихъ пунктовъ, ставешь господиномъ канала Полванъ-Ата (что значить «богатырь-балюшка»), самаго главнаго въ ханствѣ, отъ котораго и сама Хива снабжается водою, и вслѣдствіе того, запруженіемъ канала въ устьѣ его изъ Аму-Дарьи, можешь грозить смертію отъ жажды и голода цѣлой трети населенія ханства. Кромѣ изложенныхъ выгодъ слѣдованія къ Хивѣ Аму-Дарьею, водяной путь этотъ представляетъ еще и много другихъ удобствъ, на которыя укажу я въ томъ случаѣ, если бы вы вздумали возражать противу превосходствъ этого пути передо всѣми другими.

Но, увы, полтора миліона моихъ—сумма недостаточная для того, чтобы я могъ истратить изъ нея нѣсколько сотъ тысячъ на покупку пароходовъ и баржъ въ Швецію и на доставку ихъ къ Сыръ-Дарьѣ. По неволѣ долженъ я отказаться, вслѣдствіе того, отъ единственно-удобнаго и единственно-безопаснаго пути къ Хивѣ.

Съ запада, съ восточнаго берега Каспійскаго моря, можно пройти до Хивы и отъ Мангышлака, и отъ Красноводскаго залива. Отъ послѣдняго почти вдвое ближе, чѣмъ отъ Тюшъ-бараганскаго мыса, но зато въ Красноводскомъ заливѣ нѣтъ возможности достать верблюдовъ, необходимыхъ для подъема тяжестей, такъ какъ сосѣдніе турмены держатъ ихъ лишь въ самомъ небольшомъ числѣ; да не хочу я имѣть дѣла съ туркменами, если бы даже было у нихъ столько же верблюдовъ, сколько у киргизовъ. Туркмены, это такіе негодяи, которымъ я на грошъ не повѣрю. И чортъ знаетъ, отчего подѣлались они отъявленными негодяями. Оттого, быть можетъ, что много вѣковъ уже живутъ

между персіянами съ одной стороны, и хивинцами съ другой. А замѣнить верблюдовъ какою-другою движущею силою еще не придумано, хотя со временемъ, пожалуй, и придумаютъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ достоинство верблюда? То, что онъ питается всякою дрянью и можетъ трое сутокъ пробыть безъ воды. Но мало ли такихъ двуногихъ, которые тоже питаются всякою дрянью, и могутъ пробыть безъ воды не только три дня, а цѣлую недѣлю, была бы только водка? Вотъ, если бы требовалось пробыть трое сутокъ безъ водки, не взялся бы за это ни одинъ изъ истинныхъ россіянъ, питающихся всякою дрянью.

Итакъ, хотя и съ горемъ пополамъ, направляюсь я на Хиву съ Мангышлакскаго полуострова, откуда, въ былое время, ходили туда многочисленные караваны, стало-быть есть возможность пройти и для значительной военной силы. Мангышлакъ выгоденъ хоть тѣмъ, что переѣздъ сюда моремъ изъ Астрахани не долготъ, а въ Астрахань легко сплавить по Волгѣ всѣ припасы, нужные мнѣ для экспедиціи. Не повезетъ меня затѣмъ черезъ Каспій «Кавказъ и Меркурій», или запросятъ дорого за провозъ, переѣду на рыболовныхъ судахъ, хотя при такомъ переѣздѣ войско мое подвергнется, какъ извѣстно, опасности обратиться въ евнуховъ или мѣняль; но эта опасность парализована будетъ присутствіемъ въ войскѣ моемъ женскаго элемента, въ видѣ медиковъ, писарей, хлѣбопеконъ и чиновницъ по провіантской и комисаріатской части. Вотъ уже первая выгода отъ допущенія въ армию мою прекраснаго пола. Другія выгоды окажутся впоследствии.

Значитъ, сборный пунктъ мой въ Астрахани. Здѣсь не могу уже я сохранить въ тайнѣ, что иду на Хиву. Только-что прибуду я въ Астрахань, какъ вѣсть о замыслѣ моемъ сейчасъ же перелетитъ на Мангышлакъ черезъ торгующихъ съ та-мошними киргизами армянъ, а киргизы,

стрем
этою
не по
дѣлк
ный
не вт
за зу
ному
шимъ
А
дыма
шал
уже
счита
посла
слані
возв
чтоб
винц
дѣйс
непо
тому
Во
тонѣ
«І
етъ
етъ
ще
«С
Хор
всем
ском
«С
спос
бла
под
рев
гаго
Род
бла
бес
Не
рав
идт

и, и стремглавъ, о дву-конь, понесутся съ этою новостью въ Хиву, прямо къ хану, не потому, чтобы любили хивинцевъ, а съ цѣлю получить за новость эту приличный подарокъ, но еще болѣе потому, что не въ силахъ удержать никакой новости за зубами, и растрезвонить о ней встрѣчному и поперечному считаютъ величайшимъ блаженствомъ на землѣ.

А разъ извѣстно будетъ въ Хивѣ о подымающейся противу нея грозы, дальнѣйшая съ моей стороны скрытность станетъ уже безцѣльна и бесполезна. Напротивъ, считаю я выгоднымъ, изъ Астрахани еще, послать грамату къ хивинскому хану, посланіе къ старшему кадію въ Хивѣ и воззваніе къ туркменскимъ старшинамъ, чтобы посѣять раздоръ между ними и хивинцами, отвратить туркменовъ отъ содѣйствія хивинцамъ, если бы первые, по непониманію дѣла, привлечены были къ тому послѣдними.

Вотъ какого содержанія и въ какомъ тонѣ будетъ моя грамата:

«Вся сила и могущество у Аллаха; даетъ онъ царство кому хочетъ и отнимаетъ у кого хочетъ. Единный онъ приближеніе мое, опора и упованіе».

«Султанъ Мендали Пираліевъ»

«Слово мое».

«Сидящему на ханствѣ въ области Хорезмской, бекамъ его, слугамъ его, и всему въ области той народу мусульманскому»

«да будетъ вѣдомо»:

«Учатъ мудрецы и философы, что для споспѣшествованія вѣры исламской и для блага рабовъ своихъ, воздвигаетъ Господь-Истина въ каждомъ вѣкѣ великаго ревнителя святыхъ заповѣдей его и строгаго блюстителя всякой правды на землѣ. Родится избранныкъ такой подъ особымъ благопріятнымъ сочетаніемъ свѣтилъ небесныхъ, и зовется потому *сахибъ-киранъ* оми. Не повиноваться повелѣніямъ сахибъ-кирана, противодѣйствовать ему, значитъ идти противу предопредѣленія, чинить

ослушаніе самому Аллаху. Ослушники и бунтовщики такого рода, уподобляясь Иблису (сатанѣ), не заслуживаютъ ни пощады, ни снисхожденія: вмѣстѣ съ клеветами своими подлежатъ они казни и искорененію. Знай же, о ханъ страны хорезмской, что сахибъ-киранъ настоящаго XIII столѣтія отъ бѣгства пророкова—никто иной, какъ я, султанъ Мендали Пираліевъ, и что, въ силу сахибъ-киранства моего, иду я на страну твою, съ ратью великою, чтобы наказать тебя и подданныхъ твоихъ за многія и безсчетныя, ихъ и твои, дерзости и беззаконія, какъ вообще противу твари Создательной, такъ и противу меня лично. И не отзывайся ты, ханъ, невѣдѣніемъ о пакостяхъ подданныхъ твоихъ противу меня содѣянныхъ, не говори: «зналъ бы я, разыскалъ бы я». Тѣмъ хуже для тебя, что не зналъ ты о нихъ: не исполнялъ ты, значитъ, обязанности своей — блюсти за подданными своими, чтобы не совращались они съ пути истины и справедливости, плохихъ визирей выбиралъ, недостойныхъ ставилъ надъ народомъ начальниковъ; значитъ, твое собственно нерадѣніе и было причиною дурныхъ дѣлъ и злыхъ поступковъ твоего народа. Итакъ, не оправдывайся, не дерзай противиться, а покайся, покорись, исполни, что прикажу тебѣ, безпрекословно. Тогда помилую я тебя и народъ хорезмскій, и, сотворивъ надъ вами судъ и расправу, чтобы были впередъ умнѣе и вели себя лучше, удалюсь изъ страны твоей съ миромъ, оставивъ тебя на ханствѣ по-прежнему. Если покаешься ты, то покорность свою волѣ Аллаха всемогущаго долженъ засвидѣтельствовать тѣмъ, что во всѣхъ городахъ твоихъ, по пути моему лежащихъ, пошлешь ханскіе указы твои, чтобы всюду встрѣчали меня съ должнымъ почетомъ, а войску моему выставлены припасы и что требуется; съ приближеніемъ же моимъ къ стольному граду твоему, самъ, со всѣми сановниками твоими, выйдешь навстрѣчу ко

миѣ
стрем
ву м
вѣже
умію
миѣ,
ніе
народ
случа
ждут
ніе.
ля».

«П
нѣ,
и по
то),
комъ

Ув
дели
ским
казат
вѣсти
суль
мымъ
нымъ
баки
пере
пере
лаго
ромъ
помъ
пель
ся г
въ с
вели
мое
хове
на св
къ
казы
изыс
сти.
Три
его,
цами
все
разр

ки и
лясь
и по-
клев-
ни и
граны
яща-
ова—
ндали
иран-
ю, съ
ебя и
счет-
зако-
озда-
но. И
емъ о
у меня
бы я,
тебя,
дннль
люсти
овра-
едли-
недо-
чаль-
нера-
зль и
такъ,
тъся,
при-
поми-
и, со-
что-
и луч-
промъ,
нему.
свою
засви-
города
плешъ
бчали
ойску
потре-
къ къ
всѣмъ
вчу ко

миѣ и припадешь къ сахибъ киранскому
стремени моему. Если же, не внявъ сло-
ву моему милостивому, возмнишь, по не-
вѣжеству своему въ писаніяхъ, и скудо-
умію, и гордости суетной, противостать
миѣ, и силою оружія отклонить исполне-
ніе имѣющаго совершиться надъ тобою и
народомъ твоимъ, то знай, что, въ такомъ
случаѣ, всѣхъ васъ, отъ мала до велика,
ждутъ злыя кары и нещадное истребле-
ніе. Твердо слово мое и непреложна во-
ля».

«Писано въ славномъ городѣ Эждерха-
нѣ, да сохранить его Господь отъ огня
и потопа, (такого-то) дня, мѣсяца (такого-
то), въ году отъ бѣгства пророкова (та-
комъ-то)».

Увѣряю васъ, что это весьма нѣжная и
деликатная грамота, хотя, по европей-
скимъ понятіямъ вашимъ, можетъ она по-
казаться вамъ вовсе не такою. Въ из-
вѣстныхъ обаяніяхъ, между potentатами му-
сульманскими принято переругиваться са-
мымъ безцеремоннымъ образомъ. Достой-
нымъ подражанія образчикомъ грубостей,
какими угощаются они взаимно, когда
перессорятся, можетъ служить извѣстная
переписка, имѣвшая мѣсто въ концѣ прош-
лаго столѣтія, между Шахъ-Мурадомъ, эми-
ромъ бухарскимъ, и Ага-Мохаммедъ-Ха-
номъ, шахомъ персидскимъ. Къ кому
нельзя, въ мусульманской Азіи, обращать-
ся грубо, это къ духовенству. Съ нимъ
въ сношеніяхъ должна быть соблюдаема
величайшая вѣжливость, требуется даже са-
мое неумѣренное подличанье. А какъ ду-
ховенство хивинское выгодно миѣ имѣть
на своей сторонѣ, то, вмѣстѣ съ грамотою
къ хану, обращаюсь я и къ старшему
казы съ письмомъ, исполненнымъ самыми
изысканными выраженіями восточной ле-
сти. Написать такое письмо не легко.
Три раза уже принимался я за сочиненіе
его, но потерявъ, живя между европей-
цами, привычку къ тонкому обхожденію,
все не могъ совладать съ предметомъ, и
разрывалъ написанное. Время терпѣть,

впрочемъ. Попробую еще, и когда удаст-
ся, сообщу вамъ точный переводъ.

Туркмены — народъ грубый, неграмат-
ный, неспособный понимать тонкостей
изыскаго изложенія. Къ нимъ надо пи-
сать просто и коротко, вслѣдствіе чего
воззваніе мое къ ихъ старшинамъ, титу-
люющимся незаконно ханами, будетъ та-
ково:

«Такому - то».

«Злосчастный ханъ земли хивинской и
гнусные жители ея навлекли на себя пра-
ведный гнѣвъ мой. Иду наказать ихъ съ
ратью несмѣтною и пушками безъ числа.
Васъ не трону, если сами меня не задѣ-
нете. Хивинцамъ же не устоять противу
меня. Знайте, что, съ приближеніемъ мо-
имъ къ Хивѣ, ханъ ея самъ убѣдится
въ этомъ, и, собравши всѣ какія есть въ
казнѣ его деньги и имущество, бросится
бѣжать отъ меня, съ немногими слугами,
чтобы укрыться въ Мервѣ или Серахсѣ.
Сокровища его дарю вамъ, голову его
доставьте миѣ. Обѣщаю за *тишкеши*
этотъ (подарокъ старшему отъ младшаго)
сто *тилла* (червонцевъ) награды. Взявши
Хиву, не останусь тамъ, уйду во свояси.
Можете, когда уходить буду, явиться и
разграбить ее, равно какъ и другіе горо-
да и селенія ханства. Пребывайте вы и
скотъ вашъ въ благополучіи».

Готовъ дать руку на отсѣченіе, если
не подѣйствуетъ это воззваніе. Послѣд-
ствіемъ его будетъ то, что набѣдники
туркменскіе соберутся, и будутъ ожидать:
чья возьметъ. Если бы разбили меня хи-
винцы, они, разумѣется, винуется преслѣ-
довать меня вмѣстѣ съ ними. Возьму и
Хиву, и побѣжитъ ханъ къ предѣламъ
Хорасана, они накинутся на него, ограбятъ
его дорогою, убьютъ, перессорятся, пере-
дерутся между собою за его голову, но
въ концѣ концовъ одолѣвшіе привезутъ
миѣ ее съ торжествомъ и благожеланіями.

Султанъ Мендали-Пираліевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА»

ПИСЬМО ШЕСТОЕ:

О дальнѣйшихъ сборахъ моихъ къ походу, о томъ, какъ верблюдовъ добуду, и въ какомъ порядкѣ, съ какими предосторожностями, двинусь въ путь.

Вамъ извѣстна численность моей боевой силы съ музыкой включительно—2,500 человекъ. Сколько, полагаете вы, понадобятся мнѣ нестроевыхъ на это число ратниковъ?—не болѣе 300, т. е. по одной нестроевой душѣ на $8\frac{1}{3}$ строевыхъ. Васъ удивитъ такое малое количество моего лагерного баласта, но я берусь доказать вамъ совершенную его достаточность подробнымъ расчетомъ. Берусь доказать вамъ, но не британцамъ, въ индѣйскихъ арміяхъ которыхъ приходится по 5 нестроевыхъ на одного строевого. Итакъ, на пути до Хивы предстоитъ мнѣ прокормить всего 2,800 душъ. Не велика громада три тысячи ртовъ, а куда-трудно не уморить ихъ голодомъ или жаждою на протяженіи 900 верстъ отъ Тюпъ-Карагана до Хивы, и въ продолженіе нѣкотораго времени пока тамъ пробуду. Относительно обратнаго пути храню молчаніе, ибо имѣю по сему предмету нѣкія намѣренія, разблаговѣстить о которыхъ заранѣе не считаю согласнымъ съ здоровою политикою. По неудобству или, точнѣе сказать, по совершенной невозможности печь хлѣбы въ степи, двѣ трети хлѣбнаго запаса моего возьму я въ видѣ сухарей, разумѣется, ржаныхъ: труднѣе всего пережевывать ихъ будетъ для артиллеристовъ моихъ испанцевъ; но пусть послушаютъ имъ это наказаніемъ за то, что смущали спокійствіе своего отечества. Мясо въ порцію, по крайней трудности гнать овецъ при войскѣ, за скудостью или при совершенномъ отсутствіи подножнаго корма на пути, возьму я въ видѣ вяленой баранины, изготовить которую закажу въ Самарѣ, гдѣ ежегодно

бьютъ сотни тысячъ барановъ, собственно для сала, мясо же, не зная что съ нимъ дѣлать, бросаютъ. Вяленое мясо, слѣдовательно, приобрѣту я, можно сказать, почти даромъ. Буплю нѣсколько пудовъ и Либихова мяснаго экстракта: буду кормить имъ прошафившихся солдатъ, въ наказаніе. Пресованные овощи, если только хорошо приготовлены—вещь превосходная. Запасусь ими, чтобы угощать войско мое вкуснымъ супомъ на дневкахъ, хотя это и вскочитъ мнѣ въ копейку. Спирту для винной порціи закуплю въ обиліи. Саперы мои будутъ пить его голый, драгуны—разбавляя водою, остальные нижніе чины—въ видѣ мадеры и хереса, въ каковые претворитъ мнѣ его, при помощи патоки и изюма, прикащикъ отъ Соболевыхъ въ Ярославлѣ, котораго найму я для производства таковыхъ операцій. Тотъ же спиртъ, при помощи ржаныхъ корокъ, будетъ обращать сей чародѣй въ отличное венгерское, на радость войнамъ моимъ изъ ляховъ. Масло для кашицы возьму подсолнечниковое. Варить кашу будемъ, конечно, въ котлахъ; тѣ же котлы съ брышками замѣнятъ мнѣ и чайники, такъ какъ войнамъ своимъ, въ предупрежденіе кровавыхъ поносовъ и вообще разстройства желудка, предпишу я употреблять гадкую степную воду не иначе, какъ вскипяченною, въ видѣ чайнаго настоя; чай приобрѣту кирпичный, въ Астрахани, куда привозятъ его для калмыковъ.

Устроивъ продовольственную часть, разношерстную рать мою оставляю я недѣли на двѣ въ Астрахани, чтобы разноязычные члены ея ознакомились взаимно и, такъ сказать, спѣлись, а самъ на означенный срокъ отлучаюсь, въ сопровожденіи избраннаго конвоя, на Мангышлакъ—вести переговоры съ тамошними киргизами о поставкѣ ими верблюдовъ для провоза тяжестей моей арміи до Хивы. Не успѣю я склонить къ этому киргизовъ, лопнетъ вся затѣя моя; не на воздушныхъ же шарахъ легѣтъ мнѣ туда. Пароч-

бу
одн
дит
зов
вер
вы,
мол
над
Кир
стве
къ
всѣ
же,
мѣ
прі
что
ком
ши
лиц
но,
ком
при
изъ
прі
чев
пре
ту
от
хив
нат
них
вых
луч
рых
дут
слѣ
жа
на
по
бот
рес
об
ны
оте
на
(ка
тѣ

вен-
имъ
ѣдо-
ать,
цовъ
кор-
въ
оль-
ход-
йско
хотя
ирту
іліи.
дра-
виж-
въ
омо-
Со-
айму
аціи.
ныхъ
й въ
намъ
пнцы
пнцу
кот
йни-
реду-
обще
упо-
наче,
о на-
стра-
ковъ.
раз-
ѣдѣли
изыч-
ю и,
озна-
жде-
къ—
гиза-
про-
і. Не
зовъ,
здуш-
ароч-

бу такихъ шаровъ возьму я съ собою, однако: на что пригодятся мнѣ они, увидите впоследствии. Уговорить киргизовъ, чтобы за хорошую плату дали мнѣ верблюдовъ своихъ съ вожатыми до Хивы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставили 120 молодцевъ въ мой киргизскій эскадронъ, надѣюсь я на слѣдующихъ основаніяхъ. Киргизы, кочующіе на Мавгышлакѣ собственно, на сосѣдномъ Бузачи и, далѣе въ востокъ, по Усть-Урту, принадлежать всѣ къ адаевскому роду, объ адаевцахъ же, припомните, еще въ третьемъ письмѣ моемъ, сказывалъ я вамъ, что они—пріатели мои. «Пріатели», это значитъ что я бывалъ въ ихъ кочевьяхъ и знакомъ съ нѣкоторыми изъ аксакаловъ (старшинъ) ихъ и батырей (наѣздниковъ). Въ лицѣ моемъ явится къ нимъ, слѣдовательно, не совершенно чуждый имъ и незнакомый человѣкъ, а свой же киргизецъ и притомъ тамыръ (пріатель). Разославъ изъ перваго большаго аула, въ который пріѣду, гонцовъ во всѣ ближайшія кочевья, чтобы собрались живо выслушать предложенія мои, задамъ я собирающимся *туй* (угощеніе), а затѣмъ растолкую, что отправляюсь на свой счетъ завоевывать хивинское ханство, а ихъ приглашаю принять участіе въ этомъ выгодномъ для нихъ дѣлѣ — выгодномъ потому, во-первыхъ, что за верблюдовъ хозяева ихъ получаютъ хорошую плату; потому, во-вторыхъ, что батыри ихъ въ арміи моей будутъ за службу свою — великодушіе неслыханное! — награждаемы постояннымъ жалованьемъ, не въ счетъ того, что сами награбятъ; и потому, въ-третьихъ, что, по завоеваніи ханства, позволю я тѣмъ, которые верблюдовъ мнѣ поставятъ, переселиться изъ голыхъ пустынь ихъ на обильную пастбищами дельту Аму-Дарьи, нынѣ, какъ извѣстно имъ, пустую за откочеваніемъ занимавшихъ ее каракалпаковъ въ предѣлы Бухарскаго ханства (каракалпаки ушли туда вслѣдствіе притѣсненій отъ туркменовъ), и, когда вод-

ворятся они тамъ, буду оберегать ихъ, какъ единоплеменниковъ, отъ туркменскихъ на достойніе ихъ посягательствъ. Не такіе олухи адаевцы, чтобы не раскусили выгоды для нихъ этихъ предложеній, особенно послѣдняго: дельта Аму-Дарьи, это «обѣтованная земля», рай для кочевниковъ. Но если бы, паче чаянія, взяло ихъ какое-либо раздумье, я покажу имъ, какъ подымается и опускается воздушный шаръ, съ привязаннымъ къ нему въ лодочкѣ французомъ — француз-воздухоплователя ангажирую я, на время экспедиціи, изъ учениковъ Надара, такъ какъ французы въ настоящее время первѣйшіе специалисты по части воздухоплаванія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ «легкій». Показавъ адаевцамъ это зрѣлище, которое не можетъ не поразить кочевниковъ, я объясню, что, въ случаѣ несогласія ихъ снабдить меня верблюдами, перенесусь въ Хиву и безъ ихъ содѣйствія, по воздуху, хотя это и дорого мнѣ обойдется; но чтобы они уже съ себя пѣняли, если, утвердившись въ Хивѣ, прекращу съ ними тамырство. Эффектъ шара будетъ удивительный: старики рѣшатъ, что я колдунъ, съ которымъ опасно ссориться, и, со страху, сами станутъ упрямивать меня, чтобы я взялъ ихъ верблюдовъ; а я, при этомъ, выторгую, чтобы и барановъ доставили мнѣ адаевцы въ лагерь въ назначенному сроку, да затѣмъ снабжали ими, по возможности, войско мое и на пути (вяленая баранина изъ Самары повезется про запасъ, на случай недостатка въ свѣжей). Шаръ сослужитъ мнѣ еще и ту службу, что молва о немъ облетитъ быстро самыя отдаленныя кочевья и въ Хиву придетъ уже въ видѣ несомнѣннаго извѣстія, что войско мое спустится на нее съ облаковъ, а это самыхъ величайшихъ скептиковъ убѣдитъ въ дѣйствительности моего сахибъ-киранства и тщетности сопротивленія такому завоевателю. «Произвести упадокъ духа въ непріятель всегда выгодно», пишетъ

Там
ціях
дую
стан
англ
178.
У
у м
юсь
въ
люд
(зав
Аст
сло
да
вер
так
пер
ки
ліи
щп
зав
сре
С
900
въ
тро
до
над
хоч
ни
вы
(въ
ша,
хаг
дей
сяп
око
8,0
жал
ми
на
16
рю
3,0
соб

ихъ, Тамерланъ въ своихъ *Тазукатъ*, «инструкціяхъ» — сочиненіи, съ которыми рекомендую познакомиться гг. военнымъ академикамъ нашимъ, хотя бы въ дрянномъ англійскомъ переводѣ Уайта (Oxford, 1783 г.).

Удостоверившись, что верблюды будутъ у меня въ потребномъ числѣ, возвращаюсь я въ Астрахань и перевожу оттуда въ Караганскій заливъ, на Мангышлакъ, людей моихъ, лошадей, артилерію, фуры (закажу ихъ въ Казани и сплавлю до Астрахани по Волгѣ), снаряды, провіантъ, словомъ — всё тяжести. Въ лагерь мой сюда пригонять адаевцы, по условію, какъ верблюдовъ на все продолженіе похода, такъ и барановъ для мясной порціи на первое время. На время лагерной стоянки здѣсь будутъ у войска моего въ обиліи и рыба мѣстнаго лова, и всякія овощи свѣжіе изъ Астрахани. Людей и скотъ кормить не мѣшаетъ, пока имѣются средства къ тому.

Отъ Тюпъ-Карагана до Хивы считается 900 верстъ пути. Если я буду проходить въ сутки только по 25 верстъ, и черезъ трое сутокъ дѣлать дневку, доберусь я до Хивы въ 48 дней. Можно, въ случаѣ надобности, и скорѣе двигаться, но я не хочу утомлять форсированными маршами ни людей моихъ, ни лошадей. Первыхъ, вы знаете, числится у меня 2,800 душъ (въ томъ числѣ 125 женскаго пола); лошадей понадобится около 900 головъ. Сухаго провіанту для всей этой массы людей и лошадей на два съ половиною мѣсяца потребуется, по расчету моему, около 40,000 пудовъ. Полагая еще около 8,000 пудовъ другихъ тяжестей, подлежащихъ провозу на верблюдахъ, нужно мнѣ послѣднихъ 3,000 головъ, такъ какъ на верблюда, безъ отягощенія его, болѣе 16 пудовъ не вьючится. Такъ я и уговорюсь съ адаевцами, чтобы поставили мнѣ 3,000 верблюдовъ при 350 вожатыхъ, на собственномъ ихъ продовольствіи.

Для защиты солдата на походѣ отъ

зной днемъ, отъ холода ночью, отъ вѣтра и дождя во всякое время, нѣтъ въ мірѣ ничего лучше войлочныхъ киргизскихъ кибитокъ (т. е. большихъ палатокъ) и джуламеекъ (т. е. малыхъ, собственно «дорожныхъ», палатокъ): лучи солнца не пропекаютъ, дождь не промачиваетъ, вѣтеръ не пронизываетъ ихъ, какъ парусины; днемъ въ нихъ прохладно, ночью тепло. Кибитками (для офицеровъ) да джуламейками (для нижнихъ чиновъ) и снабжаются русскіе отряды въ степныхъ походахъ. Но заготовить таковыя въ скоромъ времени можно лишь на уральской, оренбургской или пртышской лѣнїяхъ. На Мангышлакъ было бы это для меня невозможно. Потому, увы, для прикрытія войска моего отъ зноя и непогодъ нахожусь я въ необходимости застаться обыкновенными палатками изъ парусины; только парусину для этого употребляю я просмоленную до непроницаемости и обращенную бѣлою масляною краскою.

Вотъ въ такихъ палаткахъ и располагается лагерь войска моего на берегу Караганскаго залива, развлекаясь, въ ожиданіи прихода верблюдовъ, купаньемъ въ морской водѣ и катаньемъ по морю въ лодкахъ мѣстныхъ рыбаковъ. Люблю дѣлать людямъ жизнь пріятною, на сколько возможно. Музыканты мои жиды будутъ объѣдаться въ это время щукою съ яицами и любимымъ пирожнымъ имъ *цимесъ*, приготовленнымъ руками двухъ ихъ кашеваровъ, изъ жидововъ.

Когда явятся киргизы съ верблюдами и батыри ихъ въ мой киргизскій эскадронъ, задаю я пиръ имъ и всему войска моему, причемъ дамскій полъ угощаю кизлярскимъ чихиремъ, купленнымъ въ Астрахани, а киргизовъ — ихъ собственною бараниною и ими же привезеннымъ мнѣ въ подарокъ кумысомъ. За угощеніемъ слѣдуетъ балъ. Поляки съ докторшами моими и писаршами отбавляютъ злодѣйскую мазурку въ собственной просторной палаткѣ его превосходительства султана Мендали

Пираліева, а вѣѣ палатки саперы, въ кругу водящихъ хороводъ кашеварокъ, отжариваютъ въ присядку трепака. Глядя на это, кыргызы приходятъ въ умиленіе и начинаютъ бороться. Всѣ веселы и довольны. Въ заключеніе празднества, французъ подымается на шарѣ и пускаетъ оттуда ракеты, вслѣдствіе чего непобѣдимость моя становится аксіомою для кочевниковъ.

Тяжелая дума, тѣмъ не менѣе, мучитъ чело главнокомандующаго. Прокормить мою армію походомъ, прокормлю: всѣ мѣры для этого уже приняты. Но какъ напою я ее? Колодцы, копаніи и родники на предстоящемъ мнѣ пути далеко не всѣ заключаютъ въ себѣ столько воды, чтобы разомъ могли утолить жажду 3,000 верблюдовъ, 1,000 лошадей и 3,150 человѣческихъ существъ. Ради этого обстоятельства, наиболѣе затрудняющаго передвиженіе большихъ массъ по степи, вынуждаюсь я раздѣлить войнство мое по крайней мѣрѣ на три колонны, которыя будутъ слѣдовать одна за другою въ разстояніи суточного перехода. Истощенные одною колоною, колодцы и копаніи къ приходу другой черезъ сутки опять успѣютъ наполниться. Гдѣ на привалѣ или на ночлегѣ окажется въ обиліи хорошая вода, будемъ набирать ее про запасъ въ бурдюки и бурдюки эти вьючить на опроставшихся изъ подъ провіанта верблюдовъ. Бурдюки пріобрѣту, еще на пути къ Астрахани, въ кочевьяхъ приволжскихъ калмыковъ. Было бы еще лучше, чтобы колонны шли въ разстояніи другъ отъ друга не на одинъ, а на два или на три перехода, и даже разными дорогами, гдѣ это можно; но такая растянутость опасна въ военномъ отношеніи. Да и при разстояніи колонны отъ колонны на одинъ переходъ, должны онѣ быть организованы такъ, чтобы каждая представляла, и въ военномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, цѣлое, отъ остальныхъ независимое.

Въ силу этихъ соображеній, всѣ три

колонны, на которыя раздѣлю я войско мое для марша, будутъ почти одинаковаго состава: по двѣ роты пѣхоты, по эскадрону драгунъ, по 40 человѣкъ изъ киргизскаго эскадрона въ каждой колонѣ. Но такъ какъ значительнѣйшая относительно часть обоза пойдетъ въ средней колонѣ, при которой я самъ буду слѣдовать, то передняя и задняя колонны получатъ: изъ артиллеріи—по три легкихъ орудія, изъ саперовъ—по 60 человѣкъ, изъ музыкантовъ—по 24, изъ нестроевыхъ—по 90, при 18 оберъ и 1 штабъ-офицерѣ. Верблюдовъ съ провіантомъ и тяжестями пойдетъ при каждой изъ нихъ по 900, съ 105 вожатыми. На долю центральной колонны достанется, вслѣдствіе того: 2 легкихъ орудія, 2 тяжелыхъ, 100 саперовъ, 32 музыканта, 120 нестроевыхъ, 22 штабъ и оберъ-офицера, и 1,200 верблюдовъ со 140 вожатыми. Изъ 70 парныхъ и троечныхъ фуръ моего коннаго обоза, по 20 пойдутъ въ передней и задней колонахъ, а остальные 30 въ средней.

Скучными, конечно, покажутся эти и дальнѣйшія подробности для огромнаго большинства вашихъ читателей и, тѣмъ болѣе, читательницъ. Но что же дѣлать: пишу я письма мои не для потѣхи, а съ серьезною цѣлію — узнать о соображеніяхъ моихъ мнѣніе специалистовъ. Вслѣдствіе того, не лишнимъ считаю объяснить и то, почему желалъ бы я, какъ сказалъ выше, чтобы три колонны мои шли, гдѣ возможно, разными путями. Причина этому заключается въ томъ обстоятельстве, что если найдется гдѣ на пути подножный кормъ, то первая колонна потребитъ его до тла, и на долю лошадей въ двухъ остальныхъ, при слѣдованіи тѣмъ же путемъ, не будетъ уже ничего оставаться. Кромѣ того, что это несправедливо по отношенію къ двумъ третямъ моихъ коней—а всякую несправедливость я ненавижу даже по отношенію къ животнымъ, ибо обязываюсь къ тому званіемъ члена петербургскаго об-

шествва покровительства онымъ (хотя давно уже не уплачиваю взносовъ съ меня слѣдующихъ)—это и опасно, ибо грозитъ истощаніемъ сихъ двухъ третей. Для устраненія таковой опасности, и чтобы не погубить репутаціи моей въ означенномъ обществѣ, не могу я придумать ничего иного, какъ отдать «строжайшее» приказаніе, чтобы передняя колона, встрѣтивъ подножный кормъ, довольствовалась только третьею частію пастбища, оставляя другія двѣ трети нетронутыми, въ пользу слѣдующихъ за нею колонъ. Но, предупреждаю, я нисколько не увѣренъ, чтобы такое «строжайшее» предписаніе исполняемо было на дѣлѣ, не только первою колоною, а даже тою, въ которой самъ буду находиться. Запретите-ка жаждущему проглотить цѣлое ведро воды, чтобы онъ ограничился одною рюмочкою! Вѣрнѣе будетъ уменьшить овсяную порцію въ первой колонѣ и увеличить соразмѣрно порціи въ остальныхъ.

Каждая изъ трехъ колонъ должна строиться для марша одинаковымъ образомъ, именно такимъ, чтобы, въ случаѣ появленія на горизонтѣ сильнаго непріятельскаго скопища, котораго сама она атаковать не можетъ, была она въ состояніи принять оборонительное положеніе, безо всякаго при этомъ замѣшательства и суетни. Рекомендую для этого слѣдующій порядокъ расположенія частей, входящихъ въ составъ колонъ. Части эти должны образовать нѣсколько продольныхъ вереницъ. Среднюю вереницу составляютъ тянушіяся одна за другою фуры лошаднаго обоза съ орудіемъ въ головѣ, въ серединахъ и въ хвостѣ вереницы. Нестроевые слѣдуютъ при фурахъ и, частію, ѣдутъ на нихъ (женщины). Вторую и третью вереницу, по бокамъ первой, составятъ пѣхота, по три въ рядъ. Съ фланговъ у пѣхоты, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, потянется, въ двѣ или вереницы, верблюжій транспортъ съ провіантомъ (сухарями, крупю, мукою). Такого тѣла колонъ. Голову ея составятъ

саперы, въ три ряда. Въ хвосту пойдетъ, въ десять, или менѣе вереницъ, та часть верблюжьяго транспорта, которая должна изображать парки артиллерійскій съ нижепервыми, и обозы комисаріатскій съ остальною частію провіантскаго (подъ вьюками изъ палатокъ, котловъ, боченковъ со спиртомъ, табакомъ и т. д.). Замкнутъ этотъ транспортъ, въ качествѣ арьергарда, драгуны, по два взвода въ рядъ. Четыре десятка изъ киргизскаго эскадрона составятъ аванпостныя команды: двѣ фланговныя, авангардную и арьергардную. Музыканты идутъ при тѣхъ частяхъ, къ которымъ принадлежатъ.

При изложенномъ расположеніи состава колонъ на маршѣ, обращается она, если понадобится, въ укрѣпленный лагерь, скорѣе нежели въ четверть часа, именно такимъ порядкомъ. По командѣ «равняйся», всѣ части колонъ, болѣе или менѣе растянувшіяся, занимаютъ надлежащіе мѣста. «Стой!»—и онѣ останавливаются. «Стройся!»—и производится слѣдующія дѣйствія: 1) верблюдовъ съ провіантомъ на флангахъ колонъ вожатыхъ заставляютъ ложиться, и такимъ способомъ образуются на флангахъ двойной или тройной барьеръ изъ тюковъ и животныхъ, вдоль котораго располагается по полуротѣ пѣхоты на каждомъ флангѣ; 2) лошадиннй обозъ, составляющій среднюю вереницу колонъ, выѣзжаетъ въ то же время къ головѣ ея и вытягивается въ поперечную линію, образующую такимъ образомъ передній фасъ каре, изъ фуръ и животныхъ; позади этихъ послѣднихъ, для защиты фаса, располагается третья полурота пѣхоты и саперы, ретирующіеся сюда изъ авангарда; 3) въ пустое пространство среди колонъ, образующееся вслѣдствіе означенныхъ передвиженій, вступаетъ, слѣдовавшій въ арьергардѣ, верблюжій транспортъ съ артиллерійскимъ паркомъ, и о бокъ съ нимъ помѣщаются нестроевые; остальная часть верблюжьяго транспорта, шедшаго въ хвостѣ колонъ, вытягивается въ двѣ или три линіи, и

ь, такимъ образомъ составляетъ задній фасъ карё изъ тюковъ и животныхъ, для обороны котораго обращается четвертая полурота пѣхоты и драгуны изъ арьергарда, вступающіе въ карё слѣдомъ за артиллерійскимъ паркомъ; 4) орудія, одновременно съ движеніемъ лошадиного обоза къ переднему фасу, выдвигаются на оконечности и въ средину того фаса, съ котораго ожидается нападеніе. Затѣмъ, когда пріѣзжаютъ съ аванпостовъ батіри киргизскаго эскадрона, помѣщаются они вмѣстѣ съ пестроевыми, внутри карё.

Тотъ же порядокъ составныхъ частей колонны на маршѣ облегчать и толковое расположеніе ея лагеремъ на ночлегахъ и дневкахъ. Впрочемъ, изложенный порядокъ предлагаю я лишь въ общую формулу, которая должна видоизмѣняться съ обстоятельствами; такими даже, напримеръ, какъ то: дуетъ ли вѣтеръ на колону съ боку, или сзади, когда проходитъ она илистыми пространствами.

Всякій бой съ азіатцами для европейскихъ войскъ — пустякъ. Заботою же первѣйшей важности въ степномъ походѣ должна быть забота о томъ, чтобы неприятель не угналъ у васъ ночью верблюдовъ и лошадей. Угонятъ, случится: что тогда дѣлать, какъ быть? Оставайся какъ ракъ на мели, или пропадай со всѣми своими запасами, подобно печестивому Фараону въ волнахъ Чермнаго моря. А отогнать упражный и подъемный скотъ — дѣло буда не мудреное, даже при внимательномъ за нимъ присмотрѣ. Можетъ сдѣлать это самая немногочисленная шайба. Стоитъ только нѣсколькимъ человѣкамъ изъ нея подкрасться ночью къ пасущемуся скоту, да гикнуть разомъ съ одной стороны, какъ онъ шарахнется въ противоположную, и понесется сломя голову: шайбѣ, поджидающей этого не вдалекѣ, остается только вкнутъ-ся вслѣдъ и гнать его далѣе, куда уже ей нужно. Не оградить иногда отъ такого угона даже оцѣпленіе пастбища достаточно и бдительнымъ карауломъ. Но

зоркій караулъ важенъ въ томъ отношеніи, что если не удержитъ скота отъ угона, такъ не упуститъ захватить гикальщиковъ; а рассчитывая на это, и на то, что въ такомъ случаѣ посадятъ на колья или сдерутъ кожу съ живаго, рѣдкій удалецъ не задумается принять на себя опасную роль гикальщика. Мѣра, къ которой прибѣгну я, не противу угона, а уже въ отращеніе его послѣдствій, будетъ заключаться въ томъ, что съ той минуты, какъ отведется скотъ изъ лагеря на пастбу, до той, когда пригонится онъ обратно, одинъ или два взвода драгунъ и десятокъ изъ киргизскаго эскадрона будутъ находиться, при осѣдланыхъ и взпущенныхъ коняхъ своихъ, въ постоянной готовности вскочить на нихъ и гнаться во весь духъ за шарахнувшимся скотомъ, съ тѣмъ чтобы отбить его отъ угонщиковъ, и воротить. Сомнѣваюсь, чтобы въ теченіе похода до Хивы пришлось мнѣ имѣть добрую стычку съ хившцами, но увѣренъ, что угнать скотъ у меня попытаются они, и попытаются не разъ. На этотъ счетъ предстоитъ мнѣ и начальникамъ передовой и задней колонъ держать ухо востро. Наряжаемымъ въ караулъ за скотомъ будетъ напоминаемо каждый разъ, что если они уснутъ на стражѣ или не поймаютъ гикальщиковъ, то ознакомятся съ нагайками киргизскаго эскадрона въ такой мѣрѣ, что вслѣдъ за тѣмъ отправятся далѣе уже въ лежачемъ положеніи на фурахъ. Охулки на руку въ этой операціи киргизики мои не положатъ, *анасыны, бабасыны.*

Въ описанномъ порядкѣ и двинется рать моя съ Тюпъ-Карагана, сегодня — передняя колона, завтра — середняя, послѣ завтра — задняя. Прощайте до слѣдующаго письма, въ которомъ разскажу, между прочимъ, какъ я и спутники мои станемъ коротать скучное время похода.

Султанъ Мендали Пираліев

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА»

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ:

О пути моемъ отъ Тюпъ-Карагана до Хивы.

Темень, хоть глазъ выколи. Ни зги не видно. Доносится только издали глухой гулъ отъ чавканья верблюдовъ, пережевывающихъ скудную пищу, ими набранную, да раздаются время отъ времени оклики чаровыхъ. Но вотъ почъ начинаетъ переходить въ день и заря съ востока освѣщаетъ бѣлые шатры, фуръ и ряды въюковъ моего лагеря, расположеннаго въ желтѣющихъ песчаныхъ буграхъ. На часахъ съ будильникомъ у дежурнаго по лагерю бьетъ три. Трещитъ вслѣдъ затѣмъ дежурный барабанъ, и все спящее населеніе лагеря вскакиваетъ на ноги, протирая глаза. Заслышавъ сигналъ, киргизы-вожатые гонятъ съ пастбища въ лагерь къ въюкамъ ненажевавшихся еще вдоволь верблюдовъ, а пастбищный караулъ—лошадей, до тла уже поѣвшихъ всякую былинку, ими найденную. Живо падаютъ и сватываются палатки, убирается всякая подстилка, сѣдлаются и запрягаются кони. Раздается повсюду жалобный крикъ верблюдовъ, неохотно ложащихся подъ тяжелые въюки. Въючить ихъ помогаютъ киргизамъ пѣхотинцы и саперы. Не умывается въ суetyщемся лагерѣ никто, даже офицерство, какъ потому, что не приходится тратить драгоценную воду на такое пустое фантовство, такъ и потому, что отъ умыванья трескалась бы и портилась кожа подъ зноемъ и пылью на маршѣ. Успѣваютъ перехватить на скорую руку по стаканчику тепленькаго только начальство да кое-кто изъ бабняку. Менѣе чѣмъ въ часъ все убрано, навьючено, уложено, заняло свои мѣста по диспозиціи и ожидаетъ сигнала къ маршу. Грянули соединенные музыканты всѣхъ частей, и колонна, съ вожакомъ впереди, двигается.

Подыматься рано съ почлега приходит-

ся того ради, что иначе не сдѣлаешь перехода къ полудню, а послѣполуденный зной гораздо изнурительнѣе, и для человека, и для животного, нежели утренній, хотя и передъ полуднемъ уже чувствуешь себя какъ на полку въ банѣ.

Вотъ уже часъ, другой, третій мѣсятъ ногами спущій песокъ и двупогіе и четверопогіе, а прошли всего восемь верстъ: ступишь шагъ впередъ, а очутишься, смотришь, на шагъ назадъ. Остается до слѣдующей станціи еще 17 верстъ, но дорога, сказываютъ вожаки, лежитъ далѣе по илистому солонцу. Потому и привалъ можно сдѣлать, ибо пусто на брюхѣ да и лошади еще не позны съ вечера. Остается навливается колонна, какъ шла, и живописно разваливается по песчанымъ уваламъ. Живо бѣгутъ люди собирать топливо: пометъ стотскій, сухіе сучья саксаула, клубы «перекати поле». Живо развьючиваются два-три верблюда, и раздаютъ маркитантки по пригоршнѣ ржаныхъ сухарей и по куску сушеной баранины на человека. Не успѣваютъ догрызть этихъ сухарей, какъ пылаютъ уже костры съ котлами надъ ними на треножникахъ, и кипятится запасная вода изъ бурдюковъ, набранная на предшествующемъ ночлегѣ: въ песчаныхъ низяхъ на привалѣ тоже нашлась бы вода, да некогда копать ямъ для этого и ждать, чтобы скопилась въ нихъ влага. Нѣсколько кусковъ кирпичнаго чаю бросаются въ кипятокъ, и черезъ нѣсколько минутъ десятки кружекъ опускаются въ котелъ, черпая невкусную, но здоровую жидкость, поглощеніемъ которой и заключается завтракъ. Кружку каждое двупогое въ колоннѣ носитъ при себѣ неразумно, пристегнутую ремешкомъ въ поясъ. Даютъ напиться не много и лошадямъ. Котлы, между тѣмъ, убираются, раздается табачная порція, запаливаются «носотрѣйки», и оживившаяся колонна снова, съ музыкою, пускается въ дальнѣйшій путь. По илистому грунту идти легче, чѣмъ по пескамъ,

по зато подымается пыль непроглядная, удушающая, такъ вмѣстѣ съ колоною и движущаяся. Всеобщее желаніе, чтобы подулъ вѣтерокъ сбоку и относилъ эту неотвязчивую пыль. Но глухо небо къ мольбамъ колонны, и для возможнаго разрѣженія пыльнаго облака командующій распоряжается, чтобы верблюжій транспортъ и драгуны, преимущественно подымающіе пыль въ хвостѣ колонны — отстали на полверсты. Но что это такое: мягкій иль переходитъ вдругъ въ гладкую, какъ полъ, глинистую поверхность, твердую дотога, что даже копыта лошадей не оставляютъ на ней слѣда? Это — *такыръ*, «голь», «лысына», безъ атома пыли, безъ былинки растительности, высушенное палящимъ солнцемъ глинаное болото. «Вотъ кабы такое болото да вплоть до самой Хивы тянулось!» желаетъ всякая душа въ колонѣ. Но *такыръ* версты черезъ полторы прекращается; а тамъ пошелъ хрящъ, мелкая каменная розсыпь, рвущая обувь; а тамъ опять пыль, безконечный плъ. Виднѣется вдали песчаная гряда. «За грядою этою и почлегъ», радуютъ вожаки. Колона въ нетерпѣніи ускоряетъ шагъ, подымается на гряду, переваливается, и видитъ передъ собою опять иль съ новою грядою на горизонтѣ. «Такъ, тутъ, что-ли, остановимся?» спрашиваютъ вожаковъ. «Нѣтъ, дальше, дальше, за тою грядою», отвѣчаютъ, смѣясь, киргизы. И перевалитъ еще колона черезъ пять-шесть такихъ грядъ съ широкими, илстыми между ними ложинами, пока дѣйствительно доберется до станціи усталая, вялая, изнемогающая отъ жары и жажды.

Но вотъ начинаются сплошные пески съ рѣдкими кустиками *джузгуна*, растенія, имѣющаго, вмѣсто листьевъ, облатки бѣлаго, желтаго, розоваго цвѣта, какъ тѣ деревья, что изображаются на чайныхъ китайскихъ ящикахъ. Мѣстами, по низинамъ, зелѣетъ *нигъ*, родъ осоки, изъ которой плетутъ киргизы шторы къ

своимъ кибиткамъ. Мѣстами, по такимъ же низинамъ, показываются и камышевыя заросли, радующія зрѣніе своею свѣжею зеленью, а по вершинамъ песчаныхъ бугровъ торчатъ неуклюжія, покрытыя иглами, вѣтви сѣраго *саксаула*, растенія хрупкаго дотога, что толстый стволъ его переломить ребенокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плотнаго до такой степени, что никакой топоръ его не беретъ. Пески — не пугайтесь ихъ: это еще благодатныя мѣста въ степяхъ Средней Азіи. Въ пескахъ и топливо водятся, и воду можно добыть, и, отчасти, даже подножный кормъ, хотя ржанецъ и другія питательныя травы, встрѣчающіяся въ пескахъ, растутъ на аршинъ травка отъ травки, такъ-что много труда надо животному, чтобы наѣсться вдоволь. Въ ложинѣ, между увалами, и располагается колона лагеремъ. Первымъ дѣломъ хватаются за вьюки съ палатками и разбиваютъ ихъ. Саперы, не отдохнувши, отправляются расчищать вмѣющіеся колодцы или рыть новыя. Развьюченный, распряженный и разсѣдланый скотъ ложится и отдыхаетъ на горячемъ пескѣ. Вспыхиваютъ десятки костровъ, и кашеварки, получивъ отъ маркитантокъ крупу, соль и масло, завариваютъ кашницу на привезенной въ бурдюкахъ водѣ: новой не накопилось еще достаточно и не отстоялась она. Офицерство, въ ожиданіи обѣда, пробавляется чаемъ: вся европейщина моей арміи научилась пить его, и возлюбила, ибо, послѣ кумыса, никакой напитокъ не утоляетъ жажды такъ хорошо, не обременяя и желудка. Главное занятіе деньщиковъ на походѣ — это грѣть воду да чай заваривать; остальные обязанности ихъ — ничто въ сравненіи съ этою. Готова кашница, быстро наполняются ею кружки алчущихъ, и начинается колона трапезовать. За трапезою раздается винная порція. Отдохнувшимъ конямъ насынается овесъ. Всѣ ложатся и засыпаютъ, кромѣ, разумѣется, дежурныхъ и часо-

выхъ. Эти съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смѣны, чтобы запиться тѣмъ же.

Дневной жаръ спадаетъ между тѣмъ, и всхрапнувшій часика два народъ начинается подыматься. Оправляются, чистятся по возможности, промываютъ глаза. Лошадей и верблюдовъ, напоивши, отгоняютъ пастись вѣкъ лагеря. Набираютъ воду въ бурдюки для слѣдующаго перехода, чистятъ котлы, тараторятъ, любезничаютъ съ дамскимъ поломъ въ колонѣ. По этому предмету строжайшая дисциплина установилась какъ-то сама собою. Офицерство, имѣющее общій, въ особой палаткѣ, столъ съ медиками, фельдшерами и писарями въ юбкахъ, за ними и ухаживаетъ. Унтеръ-офицеры приударяютъ за маркитантками, рядовые — за кашеварками. Случилось — странное стеченіе обстоятельствъ — что начальники передней и задней колонъ обое старшихъ писаршъ своихъ помѣстили въ собственныхъ своихъ палаткахъ, для того, должно полагать, чтобы не тратить времени на посылку за ними, когда понадобится по дѣламъ службы. И — опять замѣчательное совпаденіе — почеркъ у обѣихъ этихъ писаршъ прескверный, а рожицы пресмазливенькія. У меня, Султана Мендали Пираліева, частенько зубы побаливаютъ: такъ и я тоже, для преуспѣянія экспедиціи, призналъ полезнымъ имѣть постоянно подъ рукою — дантистку изъ бельгіекъ. Къ вечеру, когда послѣобѣденная выхоранка освѣжитъ члены, утомленные маршемъ, производятся любителями и любительницами природы прогулки по окрестностямъ лагеря, бѣльшею частію попарно; на закатъ солнца отправляются смотреть съ песчаныхъ бугровъ, что очень удобно, ибо куда ни сядешь, гдѣ ни приляжешь, вездѣ мягко. Любители наслажденій менѣе эстетическихъ дуются между тѣмъ въ шахматы, въ шанки, въ карты; а еврей-музыканты шляются по лагерю, производя «гандель» — продаютъ желающимъ свои утреннія табачныя порціи, ко-

торыхъ сами въ дѣло не употребляютъ. Курительнымъ табакомъ, встати сказать, запасусь я въ иностранныхъ колоніяхъ самарской губерніи, сплавляя фуры мои и другіе запасы изъ Казани по Волгѣ. Табакъ производится тамъ сносный и дешево. Кромѣ евреевъ, не употребляютъ, а потому и не получаютъ, порціи этого зелья въ войскѣ моемъ еще саперы-раскольники: въ замѣнъ табаку выговорили они себѣ предусмотрительно, еще въ Буковинѣ, двойную порцію спирта.

Смеркается, пора и поужинать. Опять раздача сухарей по пригоршнѣ, но порціи вяленой баранины опускаются уже въ котелъ, вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ, и приправленные солью даютъ здоровый калмыцкій бульонъ. Барабанъ бьетъ вечернюю зорю, и въ 9 часовъ вечера весь лагерь повоится уже сномъ.

На утренней зарѣ все опять подымается и отправляется въ путь описаннымъ порядкомъ, но съ пріятною мыслию, что на предстоящей станціи будетъ дневка. Главная прелесть дневки заключается въ томъ, что не надо подыматься до зари, можно выспаться вдоволь, и не предстоитъ затѣмъ упомительнаго марша. Вслѣдствіе этого, на ночлегѣ накануне дневки производится вечеромъ кутежъ: раздается экстренная винная порція. Одушевленные ею, пѣсепники изъ саперовъ заливаются звонкимъ хоромъ, кашеварки пищатъ, офицерство съ прикомандированнымъ къ нему женскимъ штатомъ ужинаетъ въ столовой палаткѣ подъ музыку и кончаетъ плясомъ. Укладываются спать лишь къ полуночи, и на слѣдующее утро встаютъ не ранѣе 8 или 9 часовъ. Около 10 обычный завтракъ, но безъ табачной порціи. Часа два послѣ того производится конное и пѣшее ученье — чтобы подтянуть народъ, чтобы не распускался онъ; драгунамъ же, кромѣ того, надо промять и коней своихъ, чтобы не подумали кони, что имъ уже цѣлый вѣкъ предстоитъ двигаться не иначе, какъ шагомъ. За ученьемъ

слѣдуетъ осмотрѣ начальствомъ оружія, одежды, обуви, обоза и верблюжьяго транспорта. Производятся кузнечныя и всякія другія нужныя работы и поправки. За обѣдомъ, вмѣсто кашицы, дается нижнимъ чинамъ супъ изъ пресованныхъ овощей на свѣжей баранинѣ—если случится, что киргизы пригоняютъ въ лагерь нѣсколько десятковъ этихъ животныхъ, и та же баранина подается жареною на собственномъ салѣ. Салеры и драгуны выговорили, что бы вмѣсто супа изъ овощей готовился имъ горохъ; горохомъ они и угощаются. При супѣ—лепешки изъ муки, приготовленные на желѣзныхъ противняхъ. За обѣдомъ слѣдуетъ раздача винной и табачной порціи. Остальное время проводится въ обычныхъ занятіяхъ и бездѣльничаньи. Ложатся спать въ виду завтрашняго марша, по заведенному порядку, въ 9 часовъ.

Такъ, представляю я себѣ, будетъ двигаться моя армія по Мангышлаку и Усть-Урту до юго-восточнаго обрыва высокой плоскости этой въ сѣверную часть туркменской степи,—если только какимъ нибудь ураганомъ не снесетъ ее въ ту, неизвѣстно гдѣ находящуюся, пропасть на Усть-Уртѣ, дна которой, сказываютъ киргизы, не видно, а слышно только, какъ, въ глубинѣ ея, бѣжитъ съ шумомъ подземная вода изъ Аральскаго моря въ Каспійское. Кромѣ приключеній въ родѣ того, что падетъ нѣсколько лошадей, наѣвшихъ «мертвой травы», что заболѣетъ солдатикъ напившись сырой горько-соленой воды, или увуситъ тарантулъ какую либо изъ барышень, во время экскурсіи ея по части «солнечнаго заката»,—никакихъ другихъ бѣдствій, ожидаю я, не произойдетъ. Полагаю, что пока буду двигаться въ предѣлахъ киргизскихъ кочевовъ, не послѣдуетъ даже серьезныхъ попытокъ къ отгону скота у моихъ колонъ, не говоря уже о какой-либо военной стычкѣ. Другое дѣло, когда я войду въ районъ туркменскихъ кочевій на юговосточной оконечности Усть-Урта

и по спускѣ съ него. Тутъ и туркмены, не имѣющіе понятія о моемъ сахибкранствѣ, и сомнѣвающіеся въ немъ хивинцы могутъ собраться въ весьма значительное скопище и попытаться напасть на которую-либо изъ колонъ, въ надеждѣ, если не разбить ее на-голову, то хотя пощечиться порядкомъ насчетъ скота, обоза и верблюжьяго транспорта.

На-дняхъ, размышляя объ этомъ, я заснулъ и увидалъ во снѣ цѣлую баталію съ хивинцами. Расскажу вамъ этотъ сонъ, весьма связный и вполне похожій на дѣйствительность. Представилось мнѣ, что въ одну прекрасную ночь, еще далеко передъ разсвѣтомъ, будить меня вѣстовой отъ дежурнаго по лагерю, съ вѣвѣстіемъ, что съ киргизскаго аванпоста прискакалъ гонецъ и сказываетъ, что слышится вдалекѣ топотъ отъ большого числа приближающейся конницы. Ну, думаю, если и почудилось киргизамъ, тревогу сдѣлать не мѣшаетъ, хоть бы для примѣра разнообразія, но тревогу безъ тревоги, т. е. поднять лагерь на ноги и приготовиться къ приему непріятеля, не давая ему вѣсти объ этомъ далеко раздающимся въ почной тишинѣ барабаннымъ боемъ. Первымъ дѣломъ иду въ дежурство, оно же о-бокъ съ моею палаткою, и посылаю дежурныхъ вѣстовыхъ въ конный и верблюжій табуны, чтобы собрали скотъ безъ шума и суеты, и гнали въ лагерь. Вмѣстѣ съ тѣмъ шлю двухъ посыльныхъ изъ надежнѣйшихъ киргизовъ съ письменнымъ предписаніемъ въ переднюю колону, чтобы оставалась на мѣстѣ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній и держалась въ осторожности. Затѣмъ бужу народъ въ лагерь, съ приказаніемъ вооружиться, но горячки при этомъ не пороть и огней не зажигать, а спокойно дожидаться разсвѣта. Между тѣмъ пріѣзжаетъ съ праваго фланговаго аванпоста и другой киргизъ, съ подтвержденіемъ, что приближается несомнѣнно большая масса, должно быть,

коннаго непріятеля. Свѣтаетъ—и всѣ въ лагерь видятъ уже, что съ южной стороны движется на горизонтѣ масса всадниковъ, примѣрно, въ пять, въ шесть тысячъ человѣкъ. Ясно, что господа эти не въ гости къ намъ ѣдутъ. Но почему же не предпочли они напасть на переднюю или, еще лучше, на заднюю колону, а избрали жертвою своею именно среднюю? Всякимъ, знающимъ изъ-за чего дерутся азіатцы, и чѣмъ можно заставить ихъ драться, предложенный вопросъ разрѣшается несомнѣнно предположеніемъ, что на среднюю колону навелъ ихъ слухъ о сосредоточеніи въ ней мною важнѣйшей части комисаріатскаго обоза, о томъ, что везется въ ней казна моя, всѣ несмѣнныя сокровища мои въ деньгахъ, вещахъ, платьѣ и т. д. Стало-быть, если удастся разбить эту колону, поживиться отъ нея можно несравненно болѣе, нежели отъ остальныхъ двухъ. Стало-быть дѣло стоитъ попытки, и вотъ попытка осуществляется. Прекрасно; но что же мнѣ теперь дѣлать? Расправиться съ приближающимся скопищемъ силами одной средней колонны или сождать прибытія задней? Положимъ, что дѣйствіемъ четырехъ орудій моихъ обрашу я его въ бѣгство, но вѣдь чувствительнаго пораженія я ему тѣмъ не нанесу, ибо слишкомъ мало у меня кавалеріи, чтобы преслѣдовать и бить бѣгущихъ, а безъ этого они опять могутъ собраться и снова меня тревожить. Разсчитливѣе дожидаться подхода задней колонны: тогда будетъ у меня два эскадрона драгунъ и пять конныхъ орудій. Рѣшаю—не атаковывать скопища до соединенія съ заднею колоною, а на случай, если непріятель самъ атакуетъ меня до этого, какъ и ожидать слѣдуетъ, ибо не дуракъ же онъ неповитый, дѣлаю слѣдующія распоряженія, соображаясь съ извѣстною манерою азіатскихъ скопищъ окружать непріятеля и нападать на него разомъ со всѣхъ сторонъ. Левый, сѣверный флангъ моего лагеря расположенъ, случайно, вдоль окраины

глубокаго оврага, слѣдовательно атака съ этой стороны не опасна и, по всей вѣроятности, не послѣдуетъ. Для обороны этого фланга командую часть лагерной челяди, снабдивъ ее запасными ружьями изъ обоза, и часть верблюжьяго транспорта перевозжу съ этого фланга на передній, восточный, фасъ лагеря, ничѣмъ не прикрытый, такъ какъ онъ сообщался съ пастбищемъ. Для обороны этого фаса назначаю одну роту пѣхоты; другую располагаю на заднемъ, западномъ, фасѣ. Правый, южный, флангъ лагеря, относительно длиннѣйшій обоихъ фасовъ, и на который потому устремленъ будетъ, по всей вѣроятности, сильнѣйшій натискъ непріятеля, поручаю оборонѣ саперной сотни. Въ интервалѣ посреди этого фланга помѣщаю два моихъ легкихъ орудія, по окончностямъ его—два тяжелыхъ. Драгуновъ вывожу за каре и ставлю впереди саперовъ направо и налево отъ конной артилеріи. Сзади тяжелыхъ орудій помѣщаю людей киргизскаго эскадрона, присоединивъ къ нимъ сотню изъ верблюдовозатыхъ. Всѣ орудія заряжаю на первый разъ картечью, съ приказаніемъ зарядять затѣмъ ядрами.

Приведя распоряженія эти въ исполненіе, ожидаю, что предприметъ непріятель, скопище котораго подошло между тѣмъ и облегло лагерь съ трехъ сторонъ, на разстояніи версты отъ него. Въ полдень, и уже никакъ не позже часа по полудни, слѣдуетъ прибыть задней колонѣ. Непріятелю это извѣстно, и потому онъ гораздо ранѣе этого времени долженъ рѣшиться на что нибудь, а часы въ лагерь бѣгутъ уже шесть. Но, полагать надо, люди у него отъ долгаго и усиленнаго перехода устали, и часикъ—другой располагаютъ отдохнуть и подкрѣпить себя, на предстоящіе подвиги, пищею. Распоряжаюсь и я раздачею солдатамъ моимъ обычнаго завтрака, съ замѣною табачной порціи виною. Къ концу осьмага, замѣчается движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ: са-

дятся на коней и начинают выѣзжать впередъ, гарцуютъ. Мало-по-малу полукругъ непріятельскій подается все ближе и ближе. Лучшіе наѣзтники и стрѣлки начинаютъ посылать уже пули въ лагерь, и долетаютъ онѣ, ибо стрѣлки вооружены, видимо, усовершенствованными европейскими ружьями, такъ что нѣсколько людей и животныхъ ранено уже этими выстрѣлами. Раненыхъ относятъ въ лаваретную палатку, защищенную по возможности отъ выстрѣловъ расположенными около нея съ трехъ сторонъ фурами. Своимъ запретилъ я стрѣлять до приказанія по барабану. Цѣль моя—натянуть на себя непріятеля какъ можно ближе. И вотъ онъ, ободренный неподвижностью защитниковъ лагеря, кидается на него всею массою вскачь. Но—гремятъ мои жидовскіе барабаны, орудія посылаютъ свою картечь, а пѣхота и драгуны свои пули, почти въ упоръ непріятелю, что и останавливаетъ его, приводитъ въ нѣкоторое замѣшательство. Пользуясь этимъ, пѣхота устремляется на него бѣгомъ, въ штыки, а драгуны кидаются на него въ галопъ, съ шашками на-гелѣ. Орудія, заряженные между тѣмъ вторично, посылаютъ новый залпъ. Ядра пронизываютъ всю массу скопища, и оно, непривычное къ такому угощенію, обращается вспять, гонимое драгунами и выскочившими изъ-за тяжелыхъ орудій киргизами. Бѣгущіе не оглядываются, чтобы считать преслѣдующихъ. Легкія орудія праваго фланга заряжаются опять картечью, снимаются съ позицій, несутся влѣдъ за улепетывающимъ скопищемъ, и вновь осыпаютъ его дождемъ свистящихъ пуль. Побѣда одержана полная и почти безъ всякой убиты въ людяхъ съ моей стороны, кромѣ раненыхъ легко, какъ сказано, въ самомъ началѣ боя. Усталые драгуны скоро возвращаются съ поля битвы, обтираютъ окровавленные шашки свои, не дававшія пощады, а вслѣдъ за ними являются и киргизы съ заувроченными ими плѣнни-

ками и лошадьми убитыхъ. Лошади поступаютъ на службу въ колону, вмѣсто раненыхъ, а плѣнники дарятся киргизамъ, но съ тѣмъ чтобы спровадили ихъ тотчасъ же въ свои кочевья, какъ знаютъ: не тащить же мнѣ съ собою эти *bouches inutiles*, какъ выражаются французы.

Осуществится описанный сонъ мой, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, по спускѣ съ Усть-Урта, сливаю я всѣ три колонны мои воедино, иду по старому руслу Аму-Дарьи въ Каспій до Чаркраукской плотины, прорываю эту плотину, омываюсь и освѣжаюсь въ классическихъ водахъ Аму, затѣмъ сворачиваю на Ильялы, и, оставляя влѣво всѣ городки ханства между дорогою моею и Аму-Дарьею, направляюсь прямо на Казавать. Могу я поступить такимъ образомъ безопасно и безнаказанно, ибо не имѣю никакого базиса, съ которымъ бы могла быть прерваны мои сообщенія дѣйствующимъ въ тылу моемъ непріателемъ. Вотъ выгода не имѣть базиса, о которой ни въ одномъ курсѣ стратегіи не упоминается! Въ Ташъ-Купырѣ («Каменный мостъ») перехожу черезъ Казаватскій каналъ, направляюсь къ каналу Полванъ-Ата, снабжающему водою Хиву, въ грозномъ величіи разбиваю шатры мои подъ невзрачными глиняными стѣнами этой послѣдней.

Если бы хивинцы рискнули напасть на меня на пути отъ Усть-Урта, когда всѣ три колонны мои пойдутъ совмѣстно, я-бы разбилъ 15-тысячное войско ихъ еще легче, чѣмъ во снѣ разбилъ 5-тысячное скопище съ одною колоною. А болѣе 15,000 плохо-вооруженной сволочи хивинскій ханъ не можетъ выставить въ поле, такъ какъ все осѣдлое населеніе его владѣній едва ли простирается въ настоящее время до 250,000 о. п. душъ.

Какъ располагаю я покончить съ Хивою, скажетъ вамъ слѣдующее письмо.

Султанъ Мендали Пираліевъ,

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦИЮ «РУССКАГО МІРА».

ПИСЬМО ОСЬМОЕ:

О томъ, какимъ образомъ возьму я Хиву, и что за симъ послѣдуетъ.

Излагаю вамъ окончателѣнныя мои предположенія, употребляя, вмѣсто будущаго времени, прошедшее: такъ живѣе будетъ и короче.

По малограмотности хивинскаго хана и незнакомству его съ ученіемъ мудрецовъ и звѣздочетовъ о сахибкиранствѣ, грамота моя не произвела на него надлежащаго впечатлѣнія. Бѣда человѣку знающему имѣть дѣло съ невѣждами не только въ Хивѣ, а и въ цѣломъ мірѣ. Но зато весьма подѣйствовало на него воззваніе мое къ туркменскимъ старшинамъ, когда увѣдомился онъ о содержаніи этого циркуляра. Стало ясно хану, что бѣжать изъ Хивы въ Серахсъ все равно, что изъ огня кидаться въ полымя. Оставалось, слѣдовательно, или покориться, или защищаться. Не надѣясь противустать мнѣ съ успѣхомъ въ полѣ—молва объ ирджарскомъ дѣлѣ дошла и до его ушей—положилъ онъ обороняться до послѣдней крайности въ стольномъ градѣ своемъ, Хивѣ «богоспасаемой», рассчитывая, что, быть можетъ, недостатокъ провіанта заставитъ меня снять осаду и убраться кое-какъ во свояси. Принявъ такую рѣшимость, сталъ онъ укрѣплять столицу свою, какъ умѣлъ: утолщилъ и надсыпалъ стѣны, башенъ нѣсколько

лишнихъ понастроилъ, ровъ углубилъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребовалъ, чтобы весь, какой найдется въ ханствѣ, провіантъ везли къ нему. Кромѣ того, кто-то изъ недоброжелателей моихъ въ Гератѣ—гдѣ только нѣтъ у меня недоброжелателей, желалъ бы я знать!—провѣдавъ о намѣреніяхъ моихъ относительно Хивы, снабдилъ хана даромъ, единственно мнѣ на зло, тысячу-другую ремингтоновскихъ ружей. И вотъ, возложавъ на кушбегія своего, завѣдующаго дѣлами сѣверной части ханства, устроить угонъ скота у моей арміи—вы знаете, что это не удалось, благодаря бдительности моей и знанію степныхъ обстоятельствъ—сидитъ ханъ въ ожиданіи моего появленія, ни живъ, ни мертвъ. Обнадеживаютъ его ремингтоновскія ружья съ одной стороны, а съ другой ужасъ беретъ при мысли: что какъ я, да въ самомъ дѣлѣ, прилечу съ войскомъ на облакахъ? «Невѣрныя, вѣдь, на все способны ухитриться, а Мевдал-султанъ (чтобъ ему ни дна, ни покрывка!) набралъ, сказываютъ, рать свою въ проклятомъ Фревгистанѣ»—бѣсѣдуютъ между собою ханъ и его оружающіе, посматривая время отъ времени на небо.

Но на небѣ ничего не замѣтно, а гонцы изъ сѣверной части ханства то и дѣло скачутъ съ донесеніями о приближеніи моемъ, обыкновеннымъ человѣческимъ манеромъ, по сушѣ. Еще въ Джиланды (Ильялы тожъ) дняю я, въ 85 верстахъ отъ Хивы, какъ въ по-

и, слѣдней запирають уже всѣ двѣнадцать городскихъ воротъ, и, чтобы не пробили ихъ пушки мои, заваливаютъ снаруи землею. Свои тринадцать пушекъ всякаго калибра, валявшихся на ханскомъ дворѣ и большею частію нкуда негодныхъ, давно уже втащены на городскія стѣны. Три изъ нихъ на лафетахъ, прочія ухитрились хивинцы не поставить, а подвѣсить на чемъ-то въ родѣ козелъ. Цѣлится изъ пушки — дѣло лишнее: ядро виноватаго найдетъ, а, главное, былъ бы только громъ. Половина котловъ въ городѣ тоже давно отобрана даромъ у жителей, и перелита въ ядра. Но ружья ремингтоновскія еще не розданы: жаль давать заранѣе такую хорошую вещь — неравно испортятъ. Всего два пробныхъ выстрѣла и сдѣлано было изъ таковаго ружья, въ присутствіи хана, принятымъ имъ на службу бѣглымъ афганцемъ изъ англо-индѣйскихъ солдатъ. Сотня ремингтоновскихъ ружей послана была, впрочемъ, кушбегію, и, какъ видѣли вы, употреблена въ дѣло при нападеніи на срединную колонну мою.

Дневка въ Джиланды памятна мнѣ тѣмъ, что тамъ явились ко мнѣ аксакалы кочующихъ въ окрестностяхъ туркменовъ, съ изъявленіемъ покорности и извиненіями относительно того, что родовичи ихъ (амшады) участвовали въ нападеніи на меня на Усть-Уртѣ (значить, не сонъ это былъ). Аксакалы разсказались въ увѣреніяхъ, что послѣдовало это безъ ихъ согласія и дозволенія, что пошлѣ въ шайбу

только «дурные людишки», а «гдѣ же дурныхъ людей нѣтъ?» Знавѣмъ я съ этою рѣчью про «дурныхъ людишекъ». Уже Александру Великому держали ее свѣтскіе послы. Сами же старики пошлютъ молодежь въ набѣгъ волею-неволею, а какъ не выгоритъ дѣло, на молодежь же опрокидываются, свою шкуру сберегая. Обидно мнѣ стало, что туркмены считаютъ меня за глупаго европейца, котораго можно на такую штуку поддѣть. Я только гнѣвно взглянулъ на аксакаловъ и велѣлъ ихъ вывести, не удостоивъ и словомъ. Погодите, голубчики, думаю, покажу я вамъ, каково меня въ дураки записывать, и тутъ же, въ счетъ расплаты за эту попытку, приказалъ киргизамъ угостить ихъ нагайками, сколько влѣзетъ, со внушеніемъ, чтобы пустыми рѣчами не дерзали тревожить впредь мой султанскій слухъ. И что-жъ, вы думаете, озлились на меня аксакалы за такое обращеніе съ ними? Нимало, ибо сознавали, что имъ досталось по дѣломъ; а когда сдѣлалось извѣстнымъ, за что они наказаны, о разсудительности моей и правосудіи пошли по кочевьямъ самыя лестныя и выгодныя для меня толки. Что же касается до фельдфебелей моихъ баварцевъ, то экзекуція съ туркменами привела ихъ въ неистовый восторгъ, и они запѣли про меня:

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Iedoch der schrecklichste der Schrecken
Das ist Mendü ali Sulthan!
Люди ученые, они основательно доиска-

же лись, что *Мендали* есть простонародное сокращеніе изъ *Менду-ами*, подобно тому, какъ *Акулина* произошла изъ *Аквелины*.

Надѣясь заставить меня снять осаду столицы своей, вслѣдствіе недостатка у меня въ продовольствіи, хивинскій ханъ забылъ, что, прежде чѣмъ обнаружится у меня этотъ недостатокъ, могу я заставить его выползти изъ-за стѣнъ, за которыми онъ укрылся—лишивъ его воды запруженіемъ обѣихъ канавъ, которыми снабжается ею Хива изъ канала Полванъ-Ата. Имѣя это въ виду, я, съ перваго же дня стоянки моей подъ Хивою, и завалилъ обѣ означенныя канавы. Завалилъ, и сажу себѣ сложа руки, угощааясь превосходными дынями съ ханскаго хутора Гендюмъ-канъ, который занялъ я подъ свою главную квартиру. Недѣлю кое-какъ перебивались осажденные водою, остававшаяся въ прудахъ, но быстро испарявшаяся подъ лучами жгучаго іюньскаго солнца. Пробовали колодцы рыть; влаги показывалось мало или вовсе не показывалось. Не будь ворота завалены, можно было бы вылезти дѣлать къ сторонѣ канала Полванъ-Ата и запасаться изъ него водою; спускаться же за водою со стѣнъ ночью, и опять взбираться на нихъ возможно лишь для небольшого числа людей, и то въ одиночку. И удавалось смѣльчакамъ совершать иногда экскурсіи такого рода благополучно, но большинство ихъ попадалось въ руки разтѣздовъ моихъ и карауловъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ по каналу, и расплачивалось за

предпріимчивость свою жизнію, такъ какъ въ плѣнъ не велѣлъ я брать ни души: куда бы дѣвался я съ плѣнными, на что были мнѣ они? «Можно бы, пожалуй, и отрыть для вылазокъ хотя однѣ изъ воротъ; но тогда осаждающіе разобьютъ эти ворота своими пушками, ворвутся въ городъ и возьмутъ его» —разсуждали осажденные. Въ такомъ положеніи погеройствовали они еще недѣлю, питааясь только сочными плодами:—арбузами да дынями. Подъ конецъ этой, второй недѣли осады, сдѣлалось извѣстно между горожанами, что ханъ, съ шестью тысячами гарнизо-на, собраннаго имъ для обороны Хивы, рѣшился бѣжать ночью изъ города и засѣсть затѣмъ въ Гезараспѣ, оставивъ горожанъ на жертву моему мщенію. Молву эту подтверждало несомнѣнно то обстоятельство, что, по приказу хана, стали расчищать входъ въ однѣ изъ воротъ, обращенныхъ на югъ. Невыгодна была для хивянъ такая комбинація, и произошло вслѣдствіе того весьма обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ событіе: ворвались хивяне въ ханскій дворецъ (*аркѣ*), захватили хана и объявили, что не выпустятъ его изъ города, а войско пусть себѣ убирается, куда хочетъ. И дѣйствительно, почти все войско вышло изъ Хивы въ ту же ночь и разбрелось по домамъ. Когда донесено было мнѣ, что толпы солдатъ потянулись изъ южныхъ воротъ во всѣ стороны, я не велѣлъ ихъ преслѣдовать: какая бы польза была мнѣ отъ того?

На слѣдующее утро рѣшено было отправитъ ко мнѣ депутацію изъ почетнѣйшихъ жителей, съ духовенствомъ во главѣ, умолять меня о милосердіи. Депутаты явились съ саблями, повѣшенными на шею, и чуть впущены были въ мое присутствіе, повалились въ ноги: значить, «сдаемся безусловно, хочешь — казни, хочешь — милуй». Конечно, будь я европейскій полководецъ, хивяне, какъ ни жутко было ихъ положеніе, попробовали бы поторговаться со мною, умаслить меня «жалкими словами». Но экзекуція въ Джиланды свидѣтельствовала, что я не позволяю, чтобы врили мнѣ вздоръ безнаказанно. Хивяне поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и просто просили о помилованіи. Я обѣщаль не только сохраненіе жизни, но, что гораздо важнѣе, и сохраненіе имущества жителей, т. е. обѣщаль, что не отдамъ города на разграбленіе моимъ солдатамъ, а потребоваль только, чтобы явился ко мнѣ немедленно съ повинною самъ ханъ, и выданы были мнѣ всѣ съѣстные припасы (рисъ, пшеница, джугара), заготовленные на случай долговременной осады мною города. Для приѣма въ подданство хана и столицы его, отправилась туда съ отпущенною депутаціею рота пѣхоты съ эскадрономъ драгуновъ. Часа черезъ полтора пріѣзжаетъ и ханъ въ сопровожденіи меггера (правителя южной части ханства) и дворцовой челяди своей, конвоируемый драгунами. Подѣхавъ къ воротамъ дома, который я занималъ, плѣнники сѣвшились, и ханъ,

вступивъ въ *саламлыкъ* (пріемный залъ), смиренно подошелъ ко мнѣ и съ низкимъ поклономъ подалъ свою саблю. Я сидѣль на рундукѣ, покрытомъ кускомъ парчи (въ Москвѣ купилъ, предвидя случай), скрестивъ ноги по-азіатски, приняль хана благосклонно, спросилъ о состояніи его здоровья, возвратилъ ему саблю, посадилъ о-бокъ съ собою и велѣль подать *дестерханъ*, «угощеніе». За этими пѣжностями послѣдовалъ отъ меня знакъ учинить *хальветъ-серай*, т. е. чтобы всѣ присутствовавшіе удалились, оставивъ меня съ ханомъ наединѣ. Тогда приняль я другой тонъ и сказалъ ему, что за сопротивленіе его мнѣ, сахибкيرانу, слѣдуетъ, по закону, снять съ него голову, что и послѣдуетъ непременно, если онъ еще разъ вздумаетъ не исполнить написаннаго въ «Книгѣ Судебъ»; написано же въ «Книгѣ Судебъ», чтобы вѣхаль онъ немедленно во всѣ города ханства и переноролъ тамъ всѣхъ жителей мужскаго пола изъ сартовъ и узбековъ, начиная съ юношей 18 лѣтъ и кончая стариками 72 лѣтъ. По совершеніи же этой экспедиціи безъ всякой напрасной потери времени, въ сопровожденіи конвоя отъ меня, начальникъ котораго глазъ съ него не спустить и разможнить ему голову при малѣйшей попыткѣ къ послушанію, бѣгству или измѣнѣ, имѣеть онъ, ханъ, возвратиться ко мнѣ въ Хиву за дальнѣйшими отъ меня приказаніями.

Порученіе, мною на него возложенное, прецаль ханъ, можно связать, съ удо-

вольтіємъ. Во-первыхъ, онъ ожидалъ для себя чего либо гораздо худшаго, и, во-вторыхъ, ему самому давно было желательно задать порку своимъ подданнымъ за неисправный взносъ податей. Въ конвой ему далъ я два эскадрона драгуновъ подъ начальствомъ пресердитаго конно-артилериста изъ испанцевъ, и въ теченіе двухъ недѣль воля судебъ относительно хивинцевъ приведена была въ исполненіе. По возвращеніи хана, та же самая экзекуція произведена была имъ и надъ жителями столицы, вслѣдъ зачѣмъ и самъ онъ провелъ не очень пріятную для него ночь въ моей главной квартирѣ. На другой день, чтобы не очень ужъ сумраченъ былъ ханъ, подарилъ я ему табакерку съ музыкою и стереоскопъ съ картинками, запряженными въ продажѣ. Такимъ образомъ месть, которую я поклялся совершить надъ хивинцами—совершилась. Поголовное избіеніе употребляли, какъ испривительную мѣру, и предки мои съ отцовской, и предки съ материнской стороны; но ни въ одной изъ многочисленныхъ лѣтописей, мною прочитанныхъ, не упоминается, чтобы какой либо герой задалъ розгача цѣлой странѣ. Поэтому праведная месть моя надъ хивинцами доставить мнѣ и безсмертную славу, передастъ имя мое отдаленнѣйшему потомству, осіянное ореоломъ человеколюбиваго новаторства.

Что-жъ дѣлать мнѣ теперь, достигнувъ цѣли? Самъ я, какъ вамъ извѣстно, отправлюсь разрабатывать богатые золотые россыпи, открытые въ наследственной до-

линѣ моей. Но войско мое... съ нимъ какъ мнѣ быть? Отправить его обратно въ Астрахань? Но вспомните, изъ кого набралъ я его — изъ республиканцевъ, демагоговъ, анархистовъ и сектаторовъ. Пустить его обратно въ Россію и Европу значило бы оказать весьма дурную услугу дѣлу порядка. Да и чѣмъ бы стала пропитываться тамъ на вербованная мною голытьба? Съ голоду бы померла. Мнѣ между тѣмъ оказала она услугу, за которую не хочу и не могу я оставаться неблагодарнымъ. Я пристрою мою армію и упрочу ея существованіе, безвреднымъ для спокойствія Европы образомъ. Я ужъ давно придумалъ, какъ это сдѣлать; давно, когда еще вербовалъ себѣ войско; и, пока ханъ хивинскій занимался исправленіемъ нравственности своихъ подданныхъ къ собственному и моему удовольствію, я приводилъ уже въ исполненіе мысль относительно обезпеченія моей арміи въ будущемъ—велъ переписку по этому предмету съ бухарскимъ эмиромъ. Понимаете теперь? Нѣтъ? Ахъ, какіе же вы недогадливые, настоящіе европейцы, которые, зарывшись въ книгахъ, потеряли всякую способность къ быстрой сообразительности. Я, мм. гг., предложилъ бухарскому эмиру, нуждающемуся теперь въ войскѣ для борьбы съ афганцами, присвоившимъ себѣ земли по лѣвому берегу Аму-Дарьи, издревле составлявшія достояніе бухарскихъ владѣльцевъ — *купить* моихъ солдатъ, и онъ съ радостію ухватился за это предложеніе, прося только, чтобы не да-

кавъ шаль я его и нестроевыхъ. Я и нестро-
стра- евыхъ ему продалъ. Правда, по дешевой
лъ я цѣнѣ — по 50 тилля за строевую и по 25
овъ, за нестроевую душу, что дало мнѣ, за
его исключеніемъ изъ списочнаго состава умер-
о бы шихъ, безъ вѣсти пропавшихъ и киргиз-
по- скаго эскадрона, 119,250 тилля или, на
вать- наши деньги, 477,000 руб. сер. Лошадей
ьба? моихъ, строевыхъ и упряжныхъ, всего въ
тѣмъ числѣ около 800 головъ, подарилъ я дра-
хочу гунамъ моимъ шведамъ, въ замѣнъ обѣ-
ымъ. щанныхъ имъ хивинскъ. Артилерію же,
су- снаряды, обозъ спустилъ по сходной цѣнѣ
ствія тоже бухарскому эмиру — куда было дѣ-
иду- ваться мнѣ съ ними? — за 123,000 р. с.
еще Такимъ образомъ, въ возвратъ потрачен-
хя- наго мною полутора миліона, получилъ я
рав- всего 600,000 руб. сер. Немного, по все-
соб- такъ въ шесть разъ болѣе, нежели могла
при- бы мнѣ дать контрибуція съ хивинскаго
оси- ханства. Чтобы уплатить мнѣ означенную
уду- сумму, которой, разумѣется, не было у
дме- него въ наличности, бѣдный эмиръ бу-
аете харскій вынужденъ былъ удавить цѣлую
едо- половину банкировъ-индѣйцевъ изъ про-
рые, живающихъ въ Бухарѣ: не умѣя оцѣнить
ую патриотическихъ чувствъ и государствен-
но- ныхъ видовъ эмира, невѣжественные ин-
ому дѣйцы эли не хотѣли дать ему означен-
искѣ ной суммы въ заемъ, съ возвратомъ ко
ими дню страшнаго суда, такъ-что выжать
рыи, изъ нихъ нужныя деньги оказалось воз-
хар- можнымъ не иначе, какъ при помощи
сол- strangуляціи.

это Съ полученными отъ эмира деньгами,
да- съ дантистскою изъ бельгіевъ и съ фран-

цузомъ-воздухоплавателемъ, помѣстился я
въ лодочку бѣльшаго изъ двухъ взятыхъ
въ походъ воздушныхъ шаровъ (другой,
меньшій шаръ подарилъ я Соболев-
скому вѣподѣлу изъ Ярославля, чтобы
онъ могъ возвратиться туда, если не за-
хочетъ въ Бухару) и въ одинъ прекрас-
ный день, когда подулъ вѣтеръ съ юго-
запада, полетѣлъ, при восторженныхъ
крикахъ признательности облагодѣтель-
ствованнаго мною войска, прямо по на-
правленію къ наслѣдственной моей доли-
нѣ въ Арганатинскомъ хребтѣ.

За заботливость мою объ участіи револю-
ціоннаго элемента, подвизавшагося подъ мо-
имъ знаменемъ, и за водвореніе таковаго
элемента въ Бухарію, получилъ я впослед-
ствіи отъ интернаціоналки патентъ на званіе
почетнаго ея члена и охранный листъ про-
тивъ кинжальщиковъ въ ея распоряженіи;
а вслѣдъ затѣмъ, за посильное очищеніе
отъ того же элемента въ которыхъ странъ
Европы, почтенъ былъ отъ правительствъ
сихъ странъ драгоценными подарками и
орденами. Выходить, не такъ дурень
свѣтъ, какъ рисуютъ его меланхолики, и
не остается истинно доброе дѣло, ранѣе
или позже, безъ должнаго признанія и
вознагражденія.

Султанъ Мендали Пираліевъ.

ПИСЬМА

ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО МІРА».

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ:

О великой будущности, меня ожидающей, и печальномъ концѣ, ожидающемъ Европу.

Что же это вы со мною сдѣлали, господа! Вамъ вѣдь извѣстно, что я газетъ не читаю, признавая подобное занятіе позволительнымъ лишь для старыхъ дѣвъ, и узнаю о происходящемъ въ мірѣ исключительно отъ пріятелей, которые занимаются этимъ пустымъ дѣломъ. Такими пріятелями считалъ я васъ, а вы и не сказали мнѣ, что, по газетнымъ извѣстіямъ, русскія войска давно уже выступили на Хиву. Теперь ходятъ слухи, что они уже и взяли ее. Что же я-то буду дѣлать, изъ-за чего я ломалъ голову, придумывая способы овладѣть ею, и трудился надъ сочиненіемъ писемъ къ вамъ? Сколько геніальности потрачено, сколько остроумія потеряно совершенно даромъ! Прихожу при этой мысли и въ негодованіе, и въ отчаяніе. Что мнѣ теперь дѣлать, повторяю — теперь, когда Хиву, можно сказать, украли у меня изъ-подъ носу, и остаюсь я по-прежнему при 1,500 рубзей дохода?

А знаете, отъ чего стряслась надо мною такая проруха? Отъ того собственно, что написалъ я къ вамъ только восемь писемъ. Чтобы избавиться отъ вліянія этого неблагоприятнаго числа *восемь*, и пишу вотъ теперь девятое, хотя никакого отношенія къ Хивѣ оно уже не представляетъ.

Имѣю сообщить вамъ, что кто рожденъ для великихъ дѣлъ, тотъ не падаетъ подъ ударами враждебной до времени судьбы. Хотя, по слабости природы человѣческой, и предался я унынію на нѣсколько часовъ, но затѣмъ воспрянулъ духомъ. Вѣрую въ звезду мою, какъ вѣровалъ незабвенный предокъ мой съ материн-

ской стороны, великій эмиръ Теймуръ. Немало горя и неудачъ пришлось ему испытать, прежде чѣмъ достигъ онъ того величія, которымъ давилъ и ослѣплялъ ползавшее у ногъ его человѣчество. Однажды, когда, преслѣдуемый враждебнымъ ему эмиромъ Хусейномъ, укрылся онъ въ пещерѣ, видитъ предокъ мой, что подобралъ муравей какое-то зернышко и тащить его въ норку свою, взбираясь по стѣнѣ наверхъ. Не донесъ муравей зернышка,—уронилъ. Уронивши, сползъ за нимъ внизъ, ухватилъ и опять потащилъ наверхъ. Опять уронилъ, и опять принялся за ту же операцію. Сорокъ девять разъ ронялъ муравей зернышко, и сорокъ девять разъ возвращался за нимъ. Въ пятидесятый удалось ему, наконецъ, донести зернышко до норы и спрятать его тамъ. «Ага», подумалъ предокъ, «не слѣдуетъ унывать отъ неудачъ, хотя бы сорокъ девять разъ приходилось терпѣть пораженіе: въ пятидесятый возьму свое. Благодарю тебя, муравей, за добрый урокъ» Благодарю и я тебя, предокъ, за этотъ наставительный анекдотъ въ твоей автобіографіи: время покажетъ, что не безъ пользы читалъ я ее.

И сколько другихъ знаменитыхъ основателей могущественныхъ царствъ въ Азіи приходили къ этому результату лишь вслѣдствіе того, что привуждены были передъ тѣмъ бѣжать съ родины и скитаться изгнанниками безъ крова и нерѣдко безъ пищи. Хотя бы, напримѣръ, Елюй-Даши, основатель каракиданьскаго царства, въ XI вѣкѣ; или, еще лучше, Бабуръ, творецъ имперіи великихъ моголовъ въ Индіи и Афганистанѣ въ началѣ XVI вѣка. Чего-чего только не натерпѣлся многострадаальный и всегда веселый Бабуръ, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ и администраторовъ всѣхъ временъ, и величайшій изъ всѣхъ монарховъ-писателей, какіе когда либо украшали міръ своимъ существова-

ніемъ, считая въ томъ числѣ и Юлія Кесаря и Фридриха II! Пять разъ вторгался Бабуръ въ Индію безъ успѣха, но не отставалъ отъ рѣшимости покорить ее, и въ шестой разъ успѣлъ. Предлагаю годовое содержаніе мое въ награду тому, кто переведетъ достойнымъ образомъ, съ джагатайскаго подлинника, автобіографическія записки Бабура, *Бабуръ-Намѣ*, этотъ неисчерпаемый родникъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній, этотъ неподражаемый образчикъ тюркскаго ума, даровитости и знанія человѣческаго сердца.

Да что говорить о старыхъ временахъ, когда и въ наши дни имѣемъ мы въ кашгарскомъ Якубъ-бекѣ свѣжее свидѣтельство того, какъ изъ простаго коканскаго солдата, пять разъ раненнаго русскими пулями, можно сдѣлаться полновластнымъ владыкою такой обширной страны, какъ восточный, или бывшій китайскій, Туркестанъ. Я знавалъ Якубъ-бека, когда былъ онъ комендантомъ Акъ-Мечети, нынѣшняго Перовска. Умный человѣкъ и съ характеромъ, нечего сказать. Одивъ только въ немъ недостатокъ, но зато капитальный—воображаетъ о себѣ, будто онъ сахибкиранъ истекающаго XIII столѣтія гиджры, тогда какъ сахибкиранъ этотъ—несомнѣнно я.

Не хвастовство это съ моей стороны, а полное убѣжденіе,—убѣжденіе, отъ котораго не могу я отрѣшиться, сколько ни пробоvalъ. Еще въ дѣтствѣ предрекъ мнѣ великую будущность одинъ сумасшедшій *баксы* (лекаръ-колдунъ), который, не смотря на свое умопомѣшательство, такъ былъ искусенъ въ хирургіи, что у страдавшаго какою-то желудочною болѣзнію дяди моего распоролъ животъ, вынулъ изъ него всѣ внутренности, перемылъ ихъ, вложилъ опять на мѣсто, и зашилъ брюхо, такъ что зажило оно въ нѣскольکو дней безо всякаго воспаленія, и дядя выздоровѣлъ и жилъ послѣ того лѣтъ

пятнадцать. Это не пухъ, а случай, дѣйствительность котораго могутъ подтвердить десятки живущихъ еще свидѣтелей. И въ Мединѣ когда я былъ на поклоненіи гробу пророка (да благословить и да привѣтствуетъ его Господь въ раю!) видѣніе такое имѣлъ, что ожидаютъ меня свѣтлыя и радостныя судьбы: самъ онъ, Мустафа-Избранный явился мнѣ во снѣ и изрекъ на чистѣйшемъ курейшитскомъ нарѣчіи: «саламунъ алейка, я буджпату батни», что значитъ: привѣтъ тебѣ, о пупъ живота моего!

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не могу я гложнуть въ безвѣстности и бездѣйствіи. Въ третьемъ письмѣ моемъ намекалъ уже я вамъ о современныхъ успѣхахъ мусульманства въ Китаѣ. Десятками миліоновъ уже считаются тамъ мусульмане. Если витайцы, при нѣсколькихъ стахъ миліонахъ ихъ племени, не были до сихъ поръ опасны для Европы и никогда на памяти исторіи не простирали владычества своего далѣе восточнаго побережья Каспійскаго моря, то единственною этому причиною были религіи, ими исповѣдуемыя: конфуціанизмъ и буддизмъ, дѣлающія изъ нихъ отупѣлыхъ чиновниковъ и мирныхъ земледѣльцевъ. Воодушевите народъ этотъ такимъ ученіемъ, какъ исламъ, и судьбы всего міра измѣнятся въ самомъ скоромъ времени. Дунганы (мусульмане китайскіе) уже начали дѣло обращенія Китая подъ свою власть, и, нѣтъ сомнѣнія, достигнуть цѣли. Но пока дѣло это еще не налажено надлежащимъ образомъ и подвигается довольно медленно, за отсутствіемъ у возставшихъ вдохновеннаго вождя. Я отправляюсь къ дунганамъ въ западный Китай, и если черезъ годъ, черезъ два, услышите вы съ ужасомъ, что проявился между ними безпощадный вои-

тель и проповѣдникъ *тариката* (что значить это слово, спросите у своихъ кавказскихъ воиновъ), который искоренилъ маньчжурскую династію, объявилъ исламъ господствующею религіею въ Китаѣ, выгналъ оттуда всѣхъ европейцевъ, и собираетъ десяти-миліонную рать, чтобы ринуться съ нею на избавившійся въ болтовнѣ Западъ, разнести его на клочья, разбить въ дребезги, и водрузить торжествующее знамя ислама на развалинахъ вашей фальшивой, извнѣ лишь прикрытой христіанствомъ, въ сущности же языческой, цивилизаціи,—знайте, что вдохновенный проповѣдникъ этотъ и безпощадный воитель—никто иной, какъ я,

Султанъ Мендали Пираліевъ.